САНДРА БУШАР

Овен

МОЙ БОСС

Сандра Бушар

Мой босс – овен

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68660038
SelfPub; 2022

Аннотация

Мой босс – типичный овен! Сперва я не верила в правдивость гороскопов, но Соболев умеет убеждать в обратном… Начальник даже не знал о моем существовании в компании, пока я не проявила себя во всей "красе" и за заслужила его праведный гнев.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 23
Глава 3 45
Глава 4 64
Глава 5 84
Конец ознакомительного фрагмента. 87

Сандра Бушар
Мой босс – овен

Глава 1

Видит бог, в знаки зодиака я никогда не верила до некоторых времен…

Каким образом они могут влиять на личность человека? Бред сивой кобылы! Но у нас в офисе думали иначе… «Типичный овен!» – шептались все вслед начальнику, понимающе-прискорбно кивая.

– Упрямый! Обидчивый! Не умеет держать себя в руках! Не идет на компромисс! Выясняет отношения на повышенных тонах! Все время ищет повод начать спор! – с видом опытного астролога, наш бухгалтер Оля пыталась объяснить мне «очевидное». – Типичный овен, Викусь!

Я всегда усмехалась и пожимала плечами:

– Может просто типичный начальник? У которого в подчинении тысячи ленивых задниц.

Оля лишь саркастично хмыкала, закатывая глаза. Мол, ничего я в жизни не понимаю! А мне и не нужно было… Тихая скромная девушка за пятым столиком десятого ряда в огромном зале. Меня даже за высокой стойкой не было видно, а уж босс и вовсе, наверняка, не знал о моем существо-

вании.

До рокового дня «Х».

– Значит так, – выйдя к общий зал, Соболев громко хлопнул в ладоши, и в помещении зазвенела гробовая тишина. Сотни испуганных глаз обратились на мужчину в извечно черном строгом костюме. – Как вы знаете, у нас пять девочек одновременно ушли в декрет. Они, знаешь ли, отдыхают дома на диванчике, а мне что делать? – сведя брови на переносице, начальник недовольно покачал головой и спустя минуту пыхтений таки продолжил. – Нужен доброволец…

– На отпуск? – выкрикнула наша смелая Олечка. Свое беспардонное поведение она объясняла тем, что «типичный стрелец».

– Тогда уж сразу на увольнение, госпожа Ткачева. Вас записать? – вздернув одну лишь бровь ко лбу и испепеляя бухгалтера гневным взглядом, босс заставил тридцатилетнюю женщину попятиться обратно. В последствии приземлившись на подоконник пятой точкой. «Избавившись» от лишнего, Соболев продолжил громким баритоном: – К делу: в понедельник приедут инвесторы, а презентация для них нашей новинки до сих пор не готова по причине резкого повышения рождаемости на один квадратный метр. Нужен тот, кто готов взять на себя ответственность…

– Сегодня же пятница, – шепнула я Оле, испуганно качая головой. – А презентацию уже на понедельник?

– При условии, что в воскресенье у нас корпоратив по слу-

чаю пятилетия нашей компании! – послышался возглас одного из сотрудников за спиной.

Стало жутко за того, на чьи плечи упадет этот тяжелый груз ответственности. Не только мне, все в помещении дружно напрягли нижнюю часть спины и незаметно сжали пальчики.

– Это будет… – словно в фильме ужасов, Соболев повел пальцем по синхронно белеющей толпе и остановился на одном из менеджеров. – Вы, Светлана Борисовна.

– Эмм… – нервно обмахиваясь листочком бумаги в руках, девушка едва держалась на ногах от страха. – Николай Александрович, я вам как раз бумажку на подпись несла… Я тоже, получается… Из этих ваших…

– Чего-чего? – глаз босса заметно задергался, а мне стало нечем дышать. Обстановка накалялась.

– Б-беременна, – Света говорила таким тоном, будто извиняется за свое положение. А потом и вовсе на недовольство начальника вдруг затараторила: – Вы поймите, был Новый Год, мы расслабились! И тут Сереженька мой предложил…

Вытянув ладонь перед собой, Николай Александрович поморщился:

– Избавьте от подробностей, Светлана. – «русская рулетка» продолжилась, все снова затаили дыхание. Я же плавно пряталась за тучную бухгалтершу, сжимая ее руку от шока и стресса. – Значит, Родион Петрович.

Не успели все обрадоваться, как он промямлил:

– Тут такое дело…

– Только не говорите, – уже в отрытую рычал Соболев, буквально краснея от ярости, – что вы тоже беременны!

– Нет. Я нет… – усмехнулся тот, но тут же посерьезнел: – Жена лежит в предродовой палате. В течение нескольких дней должна родить. Надо за остальными тремя ребятишками приглядеть. У младшенького Вити как раз кишечник слабенький, с горшка не слазит. Один раз, конечно, слез! Потом ковер в химчистку пришлось нести…

– Да едрить вашу! – вспыхнул Соболев, а я уже начинала плавно приседать вниз, под подоконник. А что? Вроде как шнурки завязываю… На туфельках. – Давайте начнем с начала, господа! Может я неправильно выразился: за презентацию будет существенная доплата. СУЩЕСТВЕННАЯ! К тому же, способ выслужиться перед руководством. Никто не хочет показать мне, что достоин оклада повыше? Всех все устраивает?!

– О, Викусь! А у тебя как раз свадьба скоро. Чем не шанс? – радостная Ольга повернулась ко мне с таким видом, будто я выиграла в лотерею.

Из губ вырвался рваный стон, настала моя очередь упасть на подоконник. Словно в замедленной сьемке я видела, как бухгалтер поворачивается к Соболеву и открывает рот.

– Не нужно… – простонала я севшим, едва слышным от шока голосом. – Умоляю!

– Николай Александрович, – с радостью и надеждой все

работники компании обернулись на нас, облегченно выдыхая. И все же в их глазах явно читалось: «Что за сумасшедшая?», – никто не справится лучше нашей Виктории Степановны!

– Виктории Степановны?.. – Соболев напрягся, пожимая плечами. – Это кто вообще? Уборщицу вроде так зовут. Вы предлагаете мне доверить такое важное задание тому, кто не может вытереть насухо пол в туалете?!

«Вот тебе и «Добрый вечер!»… Три года службы, и никто вокруг знать тебя не знает!», – подумала я с тоской и радостью. Ведь меня все и так отлично устраивало!

– Нет-нет, вот она, – грубой хваткой Ольга сжала мою тонкую талию и буквально пихнула перед собой. Все начали разглядывать меня с интересом, словно видели впервые. Возможно, так и было. – Три года бумажки перебирает. Пора Виктории показать свой потенциал. А он огромный, поверьте!

И тогда наш начальник прошелся по мне строгим изучающим взглядом. Мол, что тут за моль у нас затесалась? Мелкая, как мошка. Хрупкая и дрыщавая. Еще эти волосы черные на фоне белой кожи превращали в самую настоящую Белоснежку. Да и одежда моя была скромная: черная юбка и белая блуза. На зарплату двадцать тысяч в мегаполисе особо не разгуляешься. Особенно, когда тебе двадцать четыре года и нужно откладывать на жилье, машину, свадьбу и платить кучу кредитов…

Соболев же был молодой, инициативный, хваткий. Мощный мужчина под сорок с густой шевелюрой и небольшой щетиной. Девушки бы обязательно растекались перед ним розовой лужицей, не пугай он их до безумия и не скандаль по любому поводу.

Николай Александрович впервые увидел меня, и явно я ему не понравилась. Стало неловко и обидно. Он видно хотел сказать, что я не справлюсь, а потом обернулся вокруг и махнул рукой:

– Делайте, Виктория. Это ваш шанс поменять жизнь к лучшему. А если не получится – уволю с таким волчьим билетом, что буклеты раздавать не возьмут.

Ну, я и делала. Начиная с вечера пятницы трудилась не покладая рук. Всю субботу не ела, от ноутбука не отходила. К вечеру воскресенья, когда был запланирован корпоратив, все было готово и проверено миллион раз.

– Может со мной пойдешь, Лёнь? – измученно попросила я своего жениха. – Думаешь, я люблю эти корпоративы? Но это необходимо, чтобы не выбиваться из коллектива. К тому же, мне уже никто не верит, что ты – реальный…

– Вик, отстань, – поморщившись, он отмахнулся раздраженно, отворачиваясь к монитору компьютера. – Ты вот работу сделала, потому что она у тебя легкая. А мне проект дома нужно доделать, или уволят!

Спорить с мужчиной я не хотела, лишь пожала плечами и пошла на остановку. Только вот во время ожидания авто-

буса мои старинные туфельки на шпильках вдруг хрустнули и каблук отделился. Смущаясь и краснея, я потопала домой переобуваться. Была готова остаться дома, мол не судьба… А на лавочке у подъезда вдруг вижу мать Лёни.

– А вы чего домой не идете? – недоумевающе поинтересовалась я у женщины. Так уж вышло, что денег снять квартиру у нас просто не было, и приходилось жить с будущей свекровью. Ситуация осложнялась тем, что та меня отчаянно ненавидела. Только вот сегодня она была радостная и даже улыбалась. Ела мороженное на лавочке и качала ногами.

– Не хочу Лёнечке мешать налаживать свою жизнь, – тихо посмеявшись, она мне махнула ладонью на подъезд. – А ты иди, Виктория. Иди.

Пожав плечами, я подумала, мол женщина дает сыну нормально поработать, но… Ошиблась. Еще открыв дверь, я сразу услышала женские стоны. При входе лежало кружевное белье, а на нашем диване в зале соседка сверху оседлала моего мужчину.

– Это не то, что ты подумала! – кричала замужняя девушка с тремя детьми.

– Именно, Вика, – его член все еще оставался в другой, когда он недовольно качал головой. – Ты чего пришла раньше времени?! Сама виновата!

Спокойно переобувшись, я ушла из дома. Всю дорогу до кафе плакала в автобусе, а на корпоративе Оля меня всячески успокаивала. В тот вечер, с горя, я выпила четыре бокала

шампанского. То ли бухгалтер мне что-то подмешала, то ли я так давно не пила спиртное, но развезло меня конкретно. Под утро была готова ехать в офис и «продолжать тусовку».

Именно там охранник Лев Валентинович, присоединившийся к общему веселью, предложил:

– А давайте развлечемся?

Ничего после этого я не помнила, как отрезало. Проснулась сидя на полу около своего рабочего стола. Только успела подняться, добежать до туалета, привести себя в более-менее приемлемый вид, как выхожу в коридор и… Соболев собственной персоной!

– Виктория, правильно? – щелкая пальцами, он даже не сразу вспомнил. – У вас все готово?

Ответить не смогла, только кивнула. Боялась, что открою рот, и последствия ночи станут известны начальнику по запаху перегара.

– Отлично, – осмотрев мое черное приталенное платье, которое я, естественно, после корпоратива так и не переодела, одобрительно кивнул. – Хорошо, что вы уже готовы. Спонсоры наши люди нерусские… Не опаздывают, а раньше приходят. Начинаем через десять минут. Жду вас в конференц-зале.

В панике я визжала внутри, а сердце вырывалось из груди. «Мне нельзя теперь терять работу! Нельзя!», – повторяла я снова и снова про себя, пока буквально бежала к ноутбуку, молясь о том, чтобы скинула презентацию в облако.

– Боже, – увидев заветную папку «Презентация», выдохнула и буквально упала на стол трупом. – Слаба богу!

Проверять файл времени не было. К тому же, я еще прекрасно помнила, как все воскресенье «вылизывала» каждую мелочь, доводя до идеала. Побежав в буфет, сперва заела перегар, а после трижды почистила зубы одноразовым тюбиком с пастой и пальцем-щеткой. И уже к нужному времени из зеркала на меня смотрела не безобразная женщина, а вполне себе приличная девушка. Лишь внешне…

– Вика… – стоило мне зайти в конференц-зал, где все уже давно собрались, Соболев уже уничтожал меня взглядом. – Презентация где?

Перед ним из моих дрожащих рук упала флешка, босс выдохнул. Хотя, по правде говоря, мужчина мог вполне обойтись и без презентации. Перед ним лежала огромная папка бумаг с сухой информацией. Только вот наши китайские спонсоры любили визуализацию и слушать «аудиокнигу» не хотели.

– Дорогие друзья, – Николай Александрович встал перед мужчинами и улыбнулся широкой обольстительной улыбкой. Я обомлела и отвлеклась, не глядя тыкая мышкой на иконку «открыть». – Сегодня я с радостью представляю вам наш новый продукт: дешевый, простой в производстве, экологичный…

«Черт, – ахнула я про себя, неожиданно млея. – Вот это он красавчик!». Видимо, похмелье действовало особо на мой

организм, ведь я вдруг разглядела в нашем «типичном овне» очень сексуального мужчину! Даже о бывшем изменщике на минуту забыла, настолько Соболев произвел на меня впечатление. Горящий взгляд карих глаз, прямые черты лица, соболиные брови и густые волосы, чуть ниспадающие на лицо. Все это, в совокупности с белыми ровными зубами, на мгновение поразило мое хрупкое женское сердце.

Отвлек смех из зала. Сперва робкий, неуверенный. Затем громче, громче и громче… К тому моменту, как я повернулась к китайцам, те уже рыдали от истерики, активно снимая на камеру телефона мою презентацию!

– Простите, – на ломанном русском уточнил самый взрослый из них, – а вы уверены, что зубные пасты продаете, а не нижнее белье?

– Я?.. Что?.. Не понима… – и Соболев обернулся обратно на стенд. Впервые я видела, как кто-то чернеет за секунду, а потом тут же белеет.

– Мамочки… – мои глаза округлялись по мере того, как я поняла, что листаю не презентацию, а подборку отсканированных задниц с корпоратива. И «вишенкой на торте» стало то, что застопорилось все на трусиках с вишенкой. Моих…

Соболев медленно повернулся ко мне лицом, пугая до спазма в желудке. «Типичный овен!», – подумала я, когда увидела в его карих глазах свою мучительную смерть с истязаниями и самыми жуткими пытками. Сжав зубы, он резко выдохнул пар из носа, из последних сил спокойно отчеканив:

– Уволена!

В панике я начинала дрожать, когда из зала снова послышалось:

– Очень повеселили, господин Соболев. Ценю людей с юмором и люблю руководителей, которые умеют выстроить в коллективе дружелюбную атмосферу. Думаю, сработаемся. Можно теперь настоящую презентацию посмотреть?

И Соболев снова зыркнул на меня, в этот раз умоляя: «Скажи, что ты ее вообще делала!».

А я ведь делала! И чисто интуитивно начала открывать все подряд файлы на флешке. В папке «фото на память» и была заветная презентация. Которая, к слову говоря, очень понравилась инвесторам. Соболев даже развел китайцев подписать все бумаги, не выходя из кабинета, и цену выставил в три раза выше рыночной. Ушли они довольные, громко обсуждая чью-то «упругую попку с вишенкой». Я затесалась к ним под шумок. План был покинуть офис незаметно и попросить Олю передать вместо меня заявление по собственному.

На плечо упала рука, крепко накрепко сжимая платье. Я вкинула взгляд и обомлела. Это был он – недовольный злобный босс. Оскалившись, он прикрыл дверь, закрыл на замок и опустил жалюзи, только после этого поворачиваясь ко мне:

– А вас, Виктория, я попрошу остаться!

Мне бы оправдываться, извиняться и на коленях умолять не увольнять, но стоило увидеть в глазах Соболева недоволь-

ство, как внутри что-то перемкнуло.

«Ты сделала шикарную презентацию, – подбодрила я себя, – несмотря на прокол…».

– Да-да, Николай Александрович, – намеренно елейно прошептала, широко улыбаясь. – Хотите похвалить меня за проделанную работу? Или какие-то конкретно моменты выделить? О! А быть может вам что-то было непонятно, и стоит объяснить?

Уже договаривая свою тираду, я вдруг вспомнила то, о чем знал каждый в нашем офисе. То, что казалось негласной молитвой местных работников: «Никогда, ни при каких условиях, не провоцируй босса на конфликт!».

– По-вашему, – мужчина сделал шаг в мою сторону, каблук его лакированных кожаных туфель ударился о мраморный пол. Звук показался шокирующе пугающим, и я вжалась в стену, – я настолько идиот, что не пойму какие-то картинки на слайдах?!

– Помнится, Оля говорила, – шептала себе под нос, нервно хватая кислород губами, – «Типичный овен!».

– Что-что, Виктория? – благо, начальник не расслышал, нас все еще разделяло достаточное для анонимности расстояние. Я ожидала худшего, когда он вдруг тяжело выдохнул и спокойно заговорил: – Присядь.

И я не просто присела, а упала на трясущихся ногах прямиком за стол для переговоров. Именно там босс и устроил мне тотальный вынос мозга. Я слушала, кивая на каждое

слово.

– …Вот поэтому, Виктория, у нас с вами два пути, – на какой-то момент монолога я отключила звук, «отрезвев» под конец, когда Соболев громко хлопнул в ладони.

– Каких же?.. – произнесла я и вздрогнула от звона в ушах. То ли от обилия алкоголя и утреннего сушняка, то ли от стресса мои губы чертовски сильно пересохли. Я хотела увлажнить их кончиком языка, но сделать это быстро не вышло. Во рту тоже было слишком сухо.

Все мое внимание было приковано к Николаю Александровичу, когда я вдруг заметила нечто странное… Он внимательно следил за движением моего языка. Завороженно, словно впал в нирвану. Карие глаза в этот момент странно блестели, зрачки расширились, а виски запульсировали. Почти сразу мужчина взял себя в руки, и я начала сомневаться: «Не предвиделось ли?».

– Презентация на самом деле великолепная. Очень грамотно систематизированная информация, браво! Даже без переводчика китайцы все поняли, это талант. За это бы вам премию дать, – внезапно произнес начальник, и я выровнялась по струнке, улыбка сама по себе появилась на лице. Ненадолго… Опустив взгляд то ли на грудь, то ли на бабушкино колье, Соболев тут же отвернулся к окну, почесав затылок. – Такой талант может столько лет прозябать за перебиранием бумажек только по одной причине, Виктория. Я называю это состояние «полноценная амеба». Сотрудник, ко-

торый ни к чему не стремится, ничего ему не нужно. Таких я увольняю без сожаления, – резко его глаза переместились на меня. Так цепко, словно пытаясь провести сканирование тайных мыслей, желаний и страхов. – Вы такая?

Уж не знаю, каким чудом, но я нашла в себе силы выдохнуть:

– Нет, Николай Александрович!

На секунду я позволила себе раствориться в воспоминаниях… До встречи с Толей я действительно была «акулой». Лучшей на курсе! Участвовала во всех интерактивах! Брала любую подработку! А потом встретила мужчину своей мечты, как мне тогда казалось. Растаяла и поплыла по течению. Вдруг накрыла несметная тоска и жалость о бесцельно прожитых годах.

– Отлично, – кратко кивнул он после минутного террора тишиной, а после снова принялся рассуждать. – Тут есть еще кое-что, требующее размышлений… Скажите, пожалуйста, почему я должен работать с вами, если буквально несколько часов назад лицезрел ваши трусики с вишенкой.

Услышать такое от начальника было не просто неожиданно. Кто-то словно подошел со спины и огрел лопатой по темечку! Задыхаясь, запыхаясь и краснея, я вдруг начала оправдываться:

– Поймите, это вышло случайно. В моей жизни никого не было подобного, клянусь. Я ведь вообще не пью и…

Внезапно меня осенило, словно лампочка над головой за-

светилась. Замолчав, сведя брови на переносице, я ощутила, как по спине прошел холодок.

– Простите, – положа руку на сердце, испуганно прошептала, – как вы узнали, что это мои трусики?!

Воскресив в памяти презентацию, убедилась, что пятые точки коллег не были подписаны. «Может, он тебя по размерам определил?», – проскользнул в голове резонный вопрос, который я тут же отмела. Я была маленькой и хрупкой, но далеко не единственной такой в компании.

– Простите, – парадируя мой тон, переспросил начальник, – а какое это отношение к делу имеет?

– Но… – щеки пылали от стыда, а сердце вырывалось из груди.

– Я – не наши спонсоры. И подобного «интерактива», – Соболев изобразил кавычки в воздухе, а после ударил кулаком по столу, – не потерплю! Вам ясно?

То, что Николай Александрович не любит дружелюбную атмосферу в коллективе, я поняла сразу. Ни на одном собрании работников его не было. Никогда он не скидывался на подарки и сладкие мешочки детям под Новый Год. А когда Олечка организовала нас для сюрприза боссу к его тридцатипятилетию, он весь «концерт» с поздравлениями сидел с каменной миной, а вместо «спасибо» заявил:

– Я так понимаю, у всех работа доделана. Могу созывать планерку?

Не для красного словца это было сказано. В тот день он

пропесочил каждого лично, парочку даже уволив.

– Я вас прекрасно поняла, – твердо заявила я, потому как нарываться на неприятности не хотела. Буквально через пару дней был завидный день «Х» с зарплатой. – Все же может мы как-то обсудим…

– Не переживайте, – перебил он меня с кровожадным видом. – Я всей компании урезаю десять процентов заработной платы за подобные развлечения с казённой техникой.

– Но… – мои зрачки расширились от шока.

– Охранника Льва – увольняю, – продолжал разбивать мое сердце начальник.

– Ведь он просто… – попыталась заступиться я.

– Что «просто»? Оставил пост и пошел пить? А ничего, что у нас только ноутбуков в офисе на три миллиона рублей? Я уже молчу о другой технике и сейфах, – вскочив с места, Соболев подскочил к телефону, что-то поспешно там набрал и перевернул мне экран, где была заскринена некая беседа. Как я поняла, кто-то активно пытался переманить наших китайцев себе, предлагая все возможные и невозможные бонусы. – В отличие от вас, Виктория, конкуренты не дремлют и алкоголь не употребляют.

На секунду я задумалась над одной фразой, вырванной из контекста конкурентов: «Мы предлагаем вам вдвое больше размер первой партии по закупочной цене». Странно все это, словно неспроста. Ведь именно в этом было преткновение между Соболевым и китайцами. Они хотели развести нас на

закупочную цену первой партии. Типа, как «проба товара». Да еще и в огромном ассортименте! Знать об этом мог только человек из узкого круга работников Соболева.

«Неужели у нас есть крыса?!», – озарило вдруг голову. Но не успела я осмыслить данную идею, как Соболев перекинул мое внимание на иную проблему:

– Знаете, Виктория, что я приготовил для вас? – и его карие глаза заблестели. Соболев был не нормальным человек, это было не к добру. Вжавшись в кресло, я под столом скрестила пальчики. – О, это будет самое жестокое наказание из всех возможных!

«Он тебя увольняет! – догадалась я, с трудом сдерживая рыдания. – С записью в трудовой и без зарплаты!».

В другом случае я бы равнодушно отнеслась к такой ситуации, но не сейчас, когда было попросту некуда возвращаться. Когда мой мужчина, возможно до сих пор, спит в обнимку с соседкой на нашей почти что брачной кровати.

«Придётся проситься назад!», – подумала я и тут же отсекла. «Нет, уж лучше на вокзале тогда жить.».

– Слушаю вас, – мой голос был обманчиво спокоен, лицо – маска равнодушия. Соболев оценил подобие стойкости и усмехнулся, качнув головой в бок. В его глазах явно читалось: «Странно, что не получилось сломать дух и вывести на эмоции!».

Возможно, я и выглядела хрупкой размазней, но на деле таковой не была.

– Первое: я вас не увольняю. Не доставлю такой радости конкурентам, подбирать за мной остатки. Они, наверняка, позовут вас к себе. И вы, на эмоциях, выпалите им все подробности нашей с китайцами сделки, – чем дальше говорил Соболев, тем шире становились мои глаза, пока вовсе не заболели. – Второе: я вас накажу так, что мало не покажется. Зарплату повышу, но завалю работой, божий свет забудете. Сразу говорите домашним, что улетаете в Сургут в командировку, где нет связи. Телефон у вас забираю, некогда.

– Это незаконно, – опрометчиво вырвалось из губ, на что получила самодовольную улыбочку.

– Что-то не нравится? Выход где – вы знаете. Заявление об увольнении я вам на три листа накатаю. – я многозначительно промолчала, опустив взгляд, и он довольно кивнул. Мол, того и следовало ожидать. Никуда я не денусь от него. – Вот ваша первая обязанность, Виктория: сейчас вы выходите в общий зал и говорите всем, что им урезана зарплата. Формулировка следующая: «Из-за меня, Виктории Степановны, босс вынужден был понизить ваш оклад.» А дальше все подробности. Если что-то скажите не так – увольняю.

По спине прошел холодок, и закружилась голова. Подобное сразу превращало меня в красную тряпку, делало персоной «нон град». А я только вчера начала налаживать связи.

– Может вы? – посмело мягко попросить я. – У вас-то там нет никого, с кем вы в хороших отношениях.

Я видела, как Соболев был недоволен моей формулиров-

кой, но все же согласился:

– Вы правы, Виктория. Теперь и у вас не будет.

Ком застрял в горле, стало нечем дышать.

– За что? – только и вырвалось из дрожащих губ. – Я ведь сделала хорошую презентацию.

– Так вот надо было именно ее и демонстрировать, а не делать акцент на вишенках, – прошипел мужчина, а после резко поднялся с места и указал мне пальцем на дверь. – Живо, Виктория. У вас на все пятнадцать минут. После возвращайтесь ко мне.

– З-зачем? – в ожидании худшего я скривилась.

– Как «зачем»? – положа руку на сердце, притворно ахнул Соболев. – А все только начинается, Вика. Вы еще не все испытания прошли на свои красные вишенки.

Выходя их комнаты, я думала лишь над тем: «Не слишком ли фамильярно со мной общается босс? И что за игру он затеял?».

Глава 2

Вокруг я старалась не смотреть, но это не мешало ощущать себя белой вороной… Объектом всеобщей ненависти, целью нападок и нелицеприглядных обсуждений. Впервые за все время работы в компании Соболева высокая стойка, закрывающая меня с головой, не лишала чужого внимания.

Женщины, у которых дети, уже успели высказать мне, что я лишила их чада пропитания. Спрашивается, с кем их мелюзга была ночью, пока мамочка свою пятую точку сканировала?.. Мужчины в браке обвинили, мол их семьи умрут голодной смертью по моей вине. Вопрос оставался тот же – чего тогда ночью был не с ними, а с толпой пьяных неадекватных людей?

Искреннюю жалость у меня вызывали свободные мужчины и женщины, которым действительно не было на кого положиться. Они возмущались тише всех, но вот глаза блестели от чувства тревоги. Даже Оля, моя единственная подруга, смотрела на меня косо.

– Собираешь? – бухгалтерша подкралась из-за спины, и я вздрогнула испуганно, роняя коробку с вещами на пол.

– Прости, что? – говоря елейным тоном, я будто пыталась заглушить чувство вины.

– Ну, – пожав плечами, Оля из последних сил старалась выглядеть беспристрастной и не выражать явно свою ко мне

неприязнь. Выходило плохо, – Соболев же тебя уволил, за такой жуткий прокол. А нас всего лишь зарплаты лишил. Да?

Закрыв глаза, я тихо взмолилась: «Спокойно, спокойно! Ты справишься!».

– Нет, – мой мягкий вкрадчивый голос дрогнул, как и левый глаз от напряжения. – Не уволил.

Бухгалтерша замерла в недоумении, подпирая руками бока. Сглотнув злость, она сквозь зубы выдохнула:

– Значит, на двадцать процентов зарплату понизил?

Никогда в жизни я не была изгоем в школе, вузе или на работе… И вот настал мой звездный час, когда каждая клеточка тела покалывала от обращенных ко мне взглядов негодования.

– Н-нет… – сглотнув ком, я робко поднялась со стула, чтобы коснуться предплечья подруги. Психологи говорят, что физический контакт располагает к собеседнику. Только вот Олю от моего прикосновения передернуло, и она отшатнулась назад, как он чумной. Обернувшись по сторонам, я увидела, как все в офисе бросили работу и, не скрывая того, подслушивают наш диалог.

– Что тогда он с тобой сделал? – настойчиво допрашивала Оля.

В глазах коллег читалось: «Пусть твоя участь будет хуже некуда!». Тяжело вздохнув, мне нечем было их порадовать. Опустив голову, я вынуждена была признаться:

– Соболев меня повысил и перевел в персональный каби-

нет.

Ахи возмущения, вздохи и охи стали такими громкими отовсюду, что я оглохла. Признаться, я совершенно не понимала логику поступков Николая Александровича, но спорить не решилась. После часа позора, вернулась к мужчине в кабинет, а он с хитрым оскалом подсовывает бумажку.

– По собственному писать? – предположила я, кривясь.

– Нет, Виктория. Читай внимательно, – ткнув пальцем в нужные строки, Соболев заставил уронить ручку прямо на бумаги и потерять дар речи. Но замешкаться мне никто не дал, громко крикнув: – Быстрее, Виктория!

И я подписала, не глядя, свой новый контракт на повышение. Кому расскажешь – не поверят. Признаться, после случившегося спрятаться от коллег было моим самым огромным желанием, но… Что-то здесь было не чисто. Слишком уж Соболев не любил людей, чтобы делать что-то во благо. Скорее, это было мое персональное наказание, а вот суть его – не ясна.

– Это нормально вообще, нет?! Тебе не стыдно, Вика?? Ты что творишь-то! – громко причитая и размахивая руками, Оля заставила меня попятиться. – Пригрели на груди змею подколодную!

Нервно моргая выпадающими из орбит глазами, я крепко прижимала к груди коробку. Было полное ощущение, что сейчас начнется драка. Или избиение… Так же называется, когда толпа нападает на одного?

– Что ты такое говоришь? – пытаясь призвать к человечности подруги, едва сдерживала нахлынувшие слезы. – Мы ведь все вместе…

– Всем ведь ясно, что тут происходит, да? – обратилась Оля к коллегам. Те, как один, начали кивать. Одна я распахнула рот в недоумении, и подруга заботливо расшифровала: – Для всех нас очевидно, Вика, что тебя Соболев завербовал. Ему нужно как-то снизить нам зарплату, а без причины – не прокатит. Вот он тебя и подговорил нас напоить, привести в офис, а дальше… Ты знаешь! Бедного охранника вообще в расход пустили…

Вспышка в голове озарила воспоминание, где не я, а именно Оля была главным заводилой вечера, но рта мне никто открыть и не дал.

– Ты, – Оля ткнула в меня пальцем, – самая настоящая стерва! Небось еще и подстилка Соболева… С тебя станется! Не зря же от тебя жених ушел!

Вспомнив про Толю, я поперхнулась воздухом. Стоило бухгалтеру рассказать секретно о личном, и вот уже весь офис лишний раз надо мной насмехается. Щеки горели от неловкости. Сложно сказать что-то против, когда ты окружена агрессивно настроенными людьми.

– Что же, Ольга, – холодный стальной голос Николая Александровича разлился эхом по вмиг затихшему офису. Все, как один, обернулись в другой конец зала. Именно там стоял начальник со сложенными на груди руками. Если я что

и узнала о нем за годы работы, то подобная стойка не сулила нам ничего хорошего. Только вот взгляд его был направлен исключительно на бухгалтера. – Я вашу позицию услышал. Скажу так: мне не нужна причина для понижения зарплаты. Я бы нашел миллион способов, как это сделать грамотно документально. Не верите? – сам у себя спросил он, а после щелкнул пальцами и указал на Олю, поджимая губу. – Ваш оклад сокращается до минимальной ставки по стране на месяц, а после сразу отнимайте от привычной за годы службы суммы двадцать процентов. Что-то не нравится? Прошу писать заявление по собственному. В стране кризис. Вас ждет прекрасная должность бухгалтера в садике, на почте, в поселковом совете… Может повезет, в поликлинику возьмут. Правда, зарплата там будет другая. Без ноликов, всегда. Но вы зато уйдете, гордо хлопнув дверью! Дерзайте!

– Не посмеете! Незаконно! – с трудом выдала задрожавшая вдруг Оля.

– Вы верно забыли, – Соболев кровожадно улыбнулся, – что я первоклассный юрист? Хотите бросить вызов?

Глаза босса испепеляли Олю, которая вдруг куда-то подевала всю свою браваду. Теперь коллектив смотрел исключительно на бухгалтера. В тайне они мечтали, чтобы она ушла, оставаясь в сердцах «сослуживцев» героиней. Только вот они забывали, что Оленька у нас получала достаточно, чтобы за один только год набрать десять лишних килограмм. И, очевидно, к диете была не готова. Так что тяжело вдохнув,

она сделалась и опустила взгляд:

– Простите меня, Николай Александрович. Погорячилась.

Соболев ничего не ответил, лишь слегка победно повел бровью. Мол, я всегда главный. Всегда побеждаю. Но не успела я выдохнуть, как его взор обратился ко мне:

– Вещи собрала, Виктория? – от неожиданности и стресса, я закивала так быстро, словно собачка на капоте автомобиля. – А теперь за мной в машину.

Соболев двинулся к выходу из здания, а не на второй этаж, как я изначально предполагала. Застопорившись, я пыталась на скорую руку спрогнозировать: «Какова вероятность того, что он меня сейчас в лесок вывезет? А новая должность – так… Для отвода глаз. Чтобы потом не посадили за расчленение с особо тяжкими.».

– ВИКТОРИЯ! – злобный рев разнесся эхом по помещению. Я побежала за начальников, как ошпаренная, а все в офисе с такой же быстротой вернулись к своим делам.

Зачем-то на полпути я обернулась, смерив Олю извиняющимся взглядом. Но вот она меня обратно не приняла, а словно возненавидела еще больше.

Новенький «Мерседес» ждал Соболева прямо у главного входа в офис. И это при том, что до бесплатной корпоративной стоянки пять минут пешком. Но… Куда уж нашему царю ходить ножками, да? Намного солиднее приплачивать одному из охранников, чтобы тот ему пафосно подгонял авто к нужному месту.

Игнорируя попытки начальника спровоцировать меня на комплимент автомобилю, я сдержанно положила ладонь на ручку передней пассажирской двери.

– Я не понял, Виктория, – серьезный и недовольный голос Соболева заставил испуганно выровняться по струнке. – Вы вконец потеряли субординацию? Мы с вами на брудершафт не пили… О! Или вы считаете, что после утреннего «шоу» мы с вами близки, как никогда и ни с кем?

Нервно моргая, я не могла внятно произнести и слова. Потому что совершенно не понимала, что именно мужчина от меня хочет! Устав испепелять взглядом, он сквозь зубы отчеканил:

– Почему вы решили сесть впереди?

И тут я прозрела, брови поползли на лоб. Как бы не шептались в нашей компании о том, что босс – истинный овен, пока я больше склонялась к тому, что тот – настоящий козел. Упертый и невыносимый! Хоть он и выглядел, как устрашающая безэмоциональная маска, в глубинах глаз я четко видела нечто странное: босс выводил меня на эмоции намеренно. Зачем, спрашивается? Ответ прост – гадкая натура!

Но Николай Александрович не учел одного – мне было на него слишком сильно плевать, чтобы реагировать на подобные выпады. Мягко улыбнувшись, я равнодушно пожала плечами и направилась к заднему сидению:

– Как скажите.

Но стоило мне попытаться открыть дверь, как тот ее за-

блокировал. Демонстративно перед моим лицом.

– Сперва вам нужно кое-что сказать, Виктория. – решил «дожать» мою нервную систему тот.

– Пожалуйста? – усомнилась я, вздернув бровь.

Соболев ехидно оскалился:

– Скорее, извиниться.

«Да что он такое несет?!», – взорвалась-таки я, правда про себя. Но снаружи была собрана, мило кивнув:

– Простите, такого больше никогда не повторится.

Мне показалось, что пытка кончилась, но – нет. Дверь по-прежнему оказалась заперта, заставляя снова посмотреть мужчине в глаза:

– Повторится. Если я прикажу. И вообще, впредь ваша главная обязанность: мне угождать. Вам понятно?

Было что-то двоякое в его словах, словно с подтекстом. Но я слишком хорошо знала нашего босса и ни о каких пошлостях даже думать не могла. Скорее в моей голове крутились фантазии, как тот заставляет днями и ночами напролет чистить его ботинки, гладить трусы с носками и перебирать тонны старых отчетов.

– Есть! – не удержавшись, я отдала честь Соболеву, потому что звучал он совсем, как генерал в армии.

Одобрительно хмыкнув, Николай Александрович соизволил открыть для меня дверь, и я-таки села в его пафосный телесный салон, пахнущий дорогим парфюмом и натуральной кожей. В пути он был немногословен, а я, спустя два-

дцать минут, собралась с мыслями чтобы поблагодарить его.

– Николай Александрович, – краснея и бледнея, старалась смотреть куда угодно, только не на мужчину, – то, что вы сделали ради меня…

– Тут ты ни при чем. Это профилактическая мера. В коллективе есть только один лидер – непосредственный начальник. Бухгалтер слишком много на себя берет, – слишком уж заучено и деланно непринужденно произнес Соболев.

Удивленно переведя взгляд на автомобильное зеркало, поймала странный взгляд босса, расшифровать который не смогла.

– Странно, – с прищуром, подозрительно прошептала, – я ведь не сказала вам, за что благодарю…

Соболев хмыкнул:

– Очевидно.

– Нет, – настаивала на своем я. – Хотела выразить благодарность за повышение. Вот и все.

Наши взгляды схлестнулись, и в этот раз уступать я не собиралась. Для меня было очевидно, что мужчина решил спасти меня от нападок коллег. Что, спрашивается, в этом плохого? Или он был не готов разрушить свой образ «чистого зла»?

– Пожалуйста, – внезапно его ответ прозвучал без издевок, призывов к конфликту и сарказма. Я растерялась, сведя брови на переносице, а тот вернулся к дороге.

Всю дорогу на моих коленях стояла коробка с вещами.

Разместить их рядом с собой не решилась. Мало ли, может это тоже нарушение субординации…

– Оставляй их здесь, – словно читая мои мысли, произнес Николай Александрович. – В ресторане они тебе не понадобятся.

– В ресторане?! – словно ошпаренная, вспыхнула я, оглядываясь по сторонам в изумлении. И, действительно, Соболев умело парковался у самого пафосного заведения столицы «Изумруды».

– Именно, Виктория, – хитро улыбнувшись, Соболев подмигнул мне через зеркало. Довольный тем, что таки вывел меня из душевного равновесия, обошел авто и даже открыл дверь. Только не ради того, чтобы галантно подать ручку, а чтобы буквально вытянуть на улицу со всей силы. – Быстрее! Нас ждет серьезный человек. Я не могу тут ждать час, пока вы наморгаетесь своими длинными ресницами.

Чудом мне удалось не приземлиться носом об асфальт. Расправив плечи, я вынужденно потопала вслед за Соболевым прямиком в «Изумруды». Внутри нас встретили лаконично одетые официанты в белую выглаженную блузу и симпатичные черные брюки. Я, в своем черном платье из масс-маркета, была «белой вороной».

– Почему вы не предупредили, куда мы идем? – тихо прошипела я начальнику, пока тот активно здоровался со всеми по пути. От официантов до гостей.

– А тебе какая разница? – замерев на мгновение, он оки-

нул меня кратким цепким взглядом и ехидно усмехнулся. – Или ты хотела разодеться и найти тут себе папика? Твой-то жених в пролете…

«Услышал!», – обреченно выдохнула я про себя, с трудом давя ярость. А Соболев словно только этого и ждал. Я все же взяла себя в руки и отрапортовала:

– Нет. Разницы нет.

Соболев удивленно повел бровью, но движение продолжил. В скором времени в самом конце зала я увидела крупного мужчину лет сорока с черной бородой и полным отсутствием волос на голове. На нем была белая рубашка с клетчатой жилеткой поверх, а шея замотана красным шарфом. Попивая кофе, он увлеченно читал бумажную газету.

Удивленно рассматривая незнакомца, я поражалась каждой детали.

– Это – Назимов Федор Петрович, – неприлично указав пальцем на мужчину, объяснил босс. – Он – твоя главная рабочая задача на этот квартал.

Активно кивая на каждое слово босса, я не сразу вникла в суть. А когда расслышала, ошалела:

– Что, простите?

Изучив мой взгляд, Соболев закатил глаза:

– Виктория, не надо с ним спать. Более того, я вам категорически запрещаю соблазнять потенциальных клиентов. Это ясно? – облегченно выдохнув, я с радостью согласилась. Тогда Николай Александрович с горящими глазами импуль-

сивно пояснил. – Наш Федор Петрович из очень обеспеченной касты. Именно это позволило ему открыть сеть успешных супермаркетов «Дешево и борзо». Если ты не заметила, они теперь на каждом шагу в столице. Знаешь, что в этом плохого? Там нет нашей зубной пасты. Ни одной, что б его!

– И, – радуясь, что мы наконец перешли к работе, со всей силы сконцентрировалась, – что я могу сделать?

Махнув рукой на Назимова, начальник покачал головой:

– Федя очень непростой человек. Ты это уже заметила… Мне по секрету донесли, что больше всего он любит, когда ему льстят, подхалимничают, упрашивают и унижаются… Делать мне это некогда и не хочется, – хлопнув в ладони, он указал на меня пальцем. – Это твоя ноша. Твори, Вика. К концу квартала Федя должен лично наши пасты по полочкам его забегаловок раскладывать. Это ясно?

– Но… – голова шла кругом от странной задачи. Не этим я планировала заниматься по жизни…

– Вот и славно, – перебил меня босс с радостной улыбкой, а после нагнулся к уху и тихо шепнул. – А облажаешься – уволена!

Я замерла в изумлении, прирастая ногами к полу. Но Соболев не дал мне передохнуть, а подцепил под локоть и повел к нужному столику знакомиться.

Федор и вправду оказался совершенно странным, непредсказуемым человеком. С момента встречи прошло уже тридцать минут, а он даже не спросил моего имени. Попивая ко-

фе в прикуску с соленой красной рыбой, он общался с боссом обо всем, кроме работы.

Я лишь тихо сидела, смотрела, изучала и хмурилась. Пока Николай Александрович не толкнул под столом, как бы говоря: «Когда начнешь налаживать связь?».

«Каким образом? – взглянув на него испуганно, попыталась передать без слов. – Он же инопланетянин!».

«Не мое дело!», – твердо и четко отвечали сжатые губы и вздернутая бровь.

– …И вот после той моей охоты на карасей, – краем уха уловила часть фразы Федора я, как вдруг Соболев снова меня толкнул. На этот раз более ощутимо.

С перепуга я возьми да выпали:

– Ой, а я тоже так рыбалку люблю! С папой в детстве на карасей каждый вторник ходили.

– Да? – удивительно, но это сработало. Мужчина вдруг заметил мое существование и начал внимательно осматривать с ног до головы, будто впервые увидел. – И много ловили?

«Дерзай!», – заиграл бровями заинтригованный Соболев, и я вошла в кураж, махнув рукой:

– Я ведь у моря родилась. У нас там чего только не было. По ведру домой приносили, не меньше.

Федя почему-то замер, нахмурился и словно попал в тупик, почесывая затылок.

– Вика, – наклоняясь за упавшей вдруг салфеткой, шепнул на ухо босс, – караси не водятся в море!

Поперхнувшись воздухом, я испуганно замерла.

– Естественно, – будничным тоном поправила, – ловили мы их в реке за городом.

– То есть, – с интересом спросил Федор, закуривая сигару, – вы родились у моря, а на рыбалку отправлялись черт знает куда?

Закатив глаза, Соболев упал лицом на ладонь, будто говоря: «Боже, что за тупица?». Но сдаваться так просто я не привыкла, так что уверенно кивнула, поведя бровью: «Мол, а что не так?».

– Люди, живущие в шаговой доступности от моря, очень от него устают. Мы искали смену обстановки, – кратко пояснила, стараясь не смотреть на испепеляющего гневом начальника.

– Что же, – поджимая губу, резюмировал мужчина, – вынужден признать, что вы очень интересная натура…

– Вика, – мило улыбнувшись, я протянула мужчине руку для знакомства. Со всей силы старалась не демонстрировать, как сильно меня радовал факт признания. Только вот вместо дежурного поцелуя или пожатия получила кубинскую сигару и зажигалку.

Дальше беседа прошла веселея. Федор позволял мне вставить пару слов в диалог, что было само по себе огромным прорывом. Изредка он обращался ко мне по имени, а я не упускала возможности польстить мужчине, помня об его особенностях, ранее оговоренных Николаем Александрови-

чем.

– Что же, мне пора, – Соболев что-то рассказывал, когда тот встал по среди фразы и куда-то направился. – Считаю деловую встречу завершенной.

«Деловую встречу?!», – взрывался мой мозг от недоумения. Ведь за полтора часа мужчины обсудили все, кроме дел.

– Кстати, – припомнил мой начальник вдруг, обращаясь ко мне так громко, что услышал весь ресторан. – Виктория, к сожалению, я не могу одобрить вам выходной на завтра. Понимаю, семейные традиции, но как вы себе представляете, что я вас отпускаю во вторник на рыбалку с семьей?! Работать кто будет??

– А?.. – растерянно моргая глазами, я аккуратно ущипнула себя под столом за руку. Все меньше верилось, что происходящее – реальность. Больше походило на глупый бессвязный сон, за ходом которого я не успевала следить.

– Нет, ваши пристрастия похвальны, но, – внезапно Соболев сочувственно погладил меня по плечу ладонью, – вы никуда не поедете.

Шаги Федора за спиной притихли. Я думала, все дело в сумасшедшем пульсе, отдающем битами в ушах. Оказалось, все куда прозаичнее: он вернулся, буквально за моей спиной протянув:

– Виктория едет на рыбалку завтра?

– Должна была, – кивнул мой босс, на что я вытаращила на него глаза.

– С семьей? – уточнил Федор зачем-то. – И снастями? Я так понимаю, ее семья профессионалы своего дела. Интересно-интересно…

– Еще какие! – заверил их Соболев, нагло игнорируя меня и все мои многозначительные сигнальные подмигивания. – Фору всем дадут, лично видел.

– Отлично, – деловито заявил Федор, а потом вдруг отодвинул соседний стул и, повернув меня к себе, обратился напрямую: – Сегодня вас наберет мой помощник и уточнит все детали.

– Какие? – тайно размышляя об увольнении в никуда, прошептала я надрывно.

– Поедем на рыбалку вместе. Я вас отвезу сам, – поставил меня перед фактом новый друг, а после обратился к Соболеву. – Вместо Виктории на работу выйдет мой человек, не переживайте.

– Ну, раз так, то езжайте… – чувственно проговорил Николай Александрович, махнув на все рукой. – Не могу же я стоять на пути семейных традиций?

Без единого слова Федор встал и ушел. Выпавшая из реальности я проследила за тем, как его фигура удаляется прочь из ресторана. Половина «гостей» заведения оказались его вооруженными охранниками. Федор ушел, и посетителей осталось три человека.

Нервно повернувшись к Соболеву с подрагивающим от напряжения глазом, я удивленно спросила:

– За что?

Закатив глаза, тот принялся наконец за свой эспрессо:

– За зарплату, Виктория.

Нервно мечась взглядом из стороны в сторону, я не могла остановить поток речи, нервничая не на шутку:

– Моя семья живет не у моря, а у океана на севере! А отец с мамой никогда в жизни не были на рыбалке. И, уж тем более, у меня нет брата… Даже если не брать это в расчет, при всем желании семья к утру сюда не прилетит!

– А им и не нужно, Виктория, – повернувшись ко мне, Соболев вдруг коварно улыбнулся и изобразил волну бровями. Это было неуместно и странно, но от простого действия меня кинуло в жар и липкий пот. – Идите домой, учите необходимую лексику, а утром у вас будет новая семья.

– Мне и старая нравилась, – зарываясь лицом в ладони, простонала я устало.

Добрым Соболев быть перестал, с грохотом вернув чашку на стол и прорычав сдавленно, с трудом сдерживая внутренних демонов:

– Что-то непонятно? Домой, Вика.

Поднявшись на ноги, я угрюмо потопала на улицу. И лишь сделав пару шагов вспомнила, что идти-то мне и некуда. Меньше всего на свете хотелось еще раз видеть босса, успевшего за утро вытянуть из меня все соки, но я-таки обернулась в неловкой улыбкой:

– А можно в офисе подготовиться?

– В чем проблема? – сложа руки на груди, мужчина прищурился и откинулся на спинку мягкого кресла. – Вы мне ничего не хотите рассказать?

– Дома интернет отключили. Технические проблемы… – придумала на ходу. Хотелось верить, что соврать у меня получилось достоверно, но Соболев и бровью не повел.

– В библиотеке книжку возьмите, – настаивал на своем он. – Вам не много нужно.

Если быть уж совсем откровенной, Федор мне совершенно не нравился. Вызывал отторжение и некий страх, словно не совсем здоров на голову. Соболев же вызывал человеческую симпатию еще меньше, потому как был моим главным раздражителем, но… Так уж вышло, что у меня не было более крова над головой. И даже забрать вещи от Лени не могла, потому как не было куда их перевезти.

Так что воодушевленно сжав кулаки, я ответственно заявила:

– Нет, Николай Александрович. Я если за дело берусь, то всегда делаю на совесть. Мне нужны современные, самые последние данные про рыбалку. Так что я лучше в офис. Подкинете?

Я бы лучше шла на работу пешком, чем призналась, что на моей карте осталось так мало денег, что вскоре встал бы вопрос: «Обед или проезд в автобусе?».

Испепеляя меня пронзительным взглядом с минуту, босс все же поднялся на ноги, отряхнулся и отправился к выхо-

ду из заведения, оставляя под чашкой сто долларов. Мечтательно вздохнув, я вдруг задумалась: «Почему не пошла работать официантом?». Соболев отрезвил:

– Долго тебя звать, Вика? Вперед на работу!

Мой босс был овном. Или козлом… Я в знаках зодиака не разбираюсь! Но с момента нашего возвращения в офис тот ни на секунду орать не переставал.

На пути в мой новый кабинет на втором этаже он сцепился с менеджером Димой по поводу какой-то ерунды, отчитав его прямо на глазах жены. Мне же досталось в новых «хоромах» пяти квадратов, где босс вдруг решил, что нужно сфотографировать каждый угол комнаты.

– Зачем? – недоумевала я, радуясь хотя бы огромному окну во всю стену. Пусть оно и выходило на кладбище для животных, но это было все равно лучше, чем один лишь стол.

– Когда я тебя уволю, – уверенно заявил тот, забыв про слово «если», – все должно быть на том же месте, где и раньше. Знаю я таких, как ты. А мне потом непредвиденных расходов на целую зарплату, – от шока и стыда мои щеки покраснели, а Соболев радостно усмехнулся: – Что-то хочешь сказать?

Как бы там не было, кабинет казался уютным и даже интимным. С возможностью задвинуть матовые роллеры и остаться наедине со своими мыслями. А еще персональный шкаф, письменный стол и маленький желтый диванчик.

– Все великолепно, спасибо! – мило ответила я, и босс

удивленно изогнул бровь.

– Знаешь, давай введем кое-какое правило, – почесывая бороду, выдал он вдруг. – Каждый день после работы ты отчитываешься передо мной, сколько использовала канцелярских принадлежностей. Составляй экселевскую таблицу.

Глаз начинал нервно дергаться. Руки, сжатые за спиной, предательски дрожали.

– Может тогда это делать всем вокруг? Вряд ли что-то даст моя статистика, если в офисе еще сотня человек… – мягко предположила я, но тут же услышала отказ:

– Я так сказал, значит, делаешь. Поняла? – уж не знаю, чего Соболев ждал, но мой смеренный отказ его словно выбил из колеи. Оттянув в сторону галстук, он продолжил: – И электричество.

– Что, простите? – тут уж сдержаться было слишком сложно, голос сошел на фальцет.

– Записывай в таблицу еще и все данные о том, когда и сколько использовала света. Хочу высчитать, выгодна ли ты мне, – сложив руки на груди, Николай Александрович скалой стоял напротив, но я и бровью не повела, просто кивнув.

Он закипел, буквально взорвался. Вылетел из кабинета, как тигр на охоту после месячной голодовки. Даже телефон свой бросил у меня на диване! Следующие часы, пока разбирала вещи, осваивалась и пыталась готовиться к «экзамену» по рыбалке слышала, как он чихвостит работников компании.

К несчастью, на втором этаже офиса было лишь два кабинета: мой и босса. Ближе к вечеру голоса затихли, и Мессия ворвался ко мне, рыча, осматриваясь вокруг. К счастью, придраться было не к чему: идеальная чистота, порядок и я, прилежная ученица, осваивающая азы рыбалки.

– Где? – рявкнул он, и я подпрыгнула на месте.

– Ч-что? – мой тихий шепот утонул в собственном тяжелом дыхании.

– Телефон мой где? – не успел он договорить вопрос, как уже нашел сотовый ровно там же, где и бросил. Признаться, мне было страшно к нему коснуться. Не то, что отнести начальнику обратно. И все же Соболев посмотрел на меня исподлобья так, что коленки обмякли. Уж не знаю, откуда столько злости, но от холодности его низкого тона у меня зубы сводило: – Наверное, уже все в нем изучила… Не так ли?

Судорожно негативно мотая головой, я тут же запричитала:

– Что вы! Мне бы даже в голову не пришло.

– Есть тут у меня одна программка, отслеживающая действия… – самодовольно хмыкнул тот. Пока Соболев что-то изучал в гаджете, я нервничала. Флюиды мужчины сбивали с толку и заставляли сомневаться: «Может, я все же что-то там случайно открыла и забыла?». Но прошла минута, и Николай Александрович поднял на меня удивленный взгляд: – Действительно, не трогала.

– Я так и сказала, – напомнила ему я.

На секунду в его глазах промелькнуло что-то теплое, но тут же сменилось прищуром:

– Это ничего не значит, Виктория. Работайте усерднее! Я отсюда вижу, что у вас глаза пустые, без мыслей.

И он ушел, а я осталась в недоумении. Только спустя полчаса работы я вспомнила, что, когда мы были в ресторане с Федором, босс мог разблокировать телефон лишь с помощью специальной комбинации, а сейчас он сделал это просто махнув пальцем по экрану.

– Странно… – лишь на долю секунды задумалась я, но тут же отряхнулась и вернулась с головой в рыбалку.

Глава 3

Раньше я не знала, во сколько Николай Александрович уходит с работы. Честно говоря, меня это не особо волновало. Завершив свою «ответственную» миссию с перебиранием бумажек, спокойно выходила из офиса в шесть вечера.

Все изменилось. Отныне идти было некуда. Тайно я мечтала заночевать на диванчике. Шло время. Семь часов, восемь, девять, десять… Уже в коридорах охрана вырубила свет, а Соболев все что-то там у себя делал.

– Черт тебя дери! – злобно рычала себе под нос, сгрызая остатки бедного карандаша. Основные понятия рыболовства были давно зазубрены, а погружаться слишком глубоко в новую тему казалось глупо – от переизбытка информации забудешь все на свете или перепутаешь. Ноги ныли, спина болела, желудок бурчал от голода, но я продолжала активно изображать увлеченную работу. – Когда же он уже уйдет?

Как по зову, дверь в кабинет босса отварилась, а я подобралась. Уверенная тяжелая походка мужчины сменилась медленной и усталой. Толкнув дверь ко мне, он показался:

– Виктория?.. А вы чего здесь?

Удивительно, но сейчас Николай Александрович выглядел иначе. Заспанный, измученный, бледный и с замыленным взглядом. Проведя пятерней по ежику на голове, Соболев вдруг зевнул и встряхнулся.

– Готовлюсь, – боевым тоном отрапортовала я, демонстрируя экран ноутбука с систематизированной таблицей.

– Похвально, – без капли иронии и сарказма отметил мужчина. Я даже растерялась… Но моя челюсть в конец ударилась об пол, когда он вдруг на полном серьезе заявил: – Я уже ухожу. Вас подкинуть домой?

Не сразу мне удалось собрать мысли в кучу. А когда сделала это, поспешно затараторила:

– Я не знаю, где вы живете, но уверена, что в разных частях города. Так что…

Вытянув ладонь перед собой, Соболев будто просил замолчать. Не могу сказать, что кричала, но он все равно скривился:

– Виктория, не надо этой вашей излишней и неуместной вежливости. Это же я вас припряг, так что сбирайтесь.

В голове тут же промелькнула картина, как я прихожу к Лёне, и они на пару с мамой выгоняют меня взашей. А, быть может, мне вовсе откроет дверь новая «хозяйка»… Лучше уж ютиться на скромном диванчике, оттягивая процесс унижения «на потом», чем спать на лавке с бродячими псами и бомжами.

– Нет, – уверенно покачала голой я. – Не уверена, что полностью готова. Посижу еще часок-другой.

Равнодушно Соболев пожал плечами, прикрывая за собой дверь:

– Как знаете, до завтра.

Не успел тот прихлопнуть замок, как мой желудок решил забурчать в абсолютной тишине. Да так громко, что из глаз выступили слезы.

– Поесть, как я понимаю, времени тоже не было? – на редкость доброжелательно спросил тот, и я кивнула, хотя Соболев видеть этого не мог. – Около моего кабинета автомат. С сэндвичами и колой, но это лучше, чем голодная смерть.

Наконец босс ушел, а я упала на стол, буквально распластавшись на нем. Сперва расплакалась от стыда и обиды. Унизительно и горько было чувствовать себя бездомной и не нужной. А ведь Леня так меня и не искал… Ни единого пропущенного.

Затем вытерла нос и встала на ноги. Голова кружилась, но я все же дошла до автомата и едва не подавилась слюной. Там было все: батончики, орешки, бутерброды… Но зарывшись в сумочке, я нашла лишь одну пятьсот рублевую купюру. Ее бы хватало на полноценный перекус, но… Мне предстояло жить до зарплаты еще неделю.

– Нет, – с трудом поджав губу, я отшагнула в сторону от автомата и отвернулась. – Буду есть раз в день и экономить.

И в тот момент заметила нечто странное. Кабинет Соболева был открыт, несмотря на то, что виднелся огромный красный замок, установленный явно поверх стандартной двери. Подойдя поближе, я хотела прихлопнуть ее, но ничего не вышло. Замок требовал ключ. Тогда я достала из кармана сотовый и зависла:

– Что дальше, Вика? Номер телефона ведь ты его не знаешь!

Оставалось два варианта: сообщить об этом охраннику на первом этаже или просто проигнорировать. Может, так и надо? Топая ногой, я нервно глубоко выдыхала и выдыхала… Тогда в нос врезался острый запах мяса. Голод стал животным, выше меня.

Совершенно не понимая, что делаю, я толкнула дверь в чужой кабинет и вошла внутрь. Рукой нащупала включатель света и начала искать… Не прошли и секунды, как на глаза попала открытая пачка высушенного мяса, а рядом с ним упаковка крекеров. Желание покушать стало животным, бесконтрольным. Как зверь я накинулась на еду, словно впервые ела. В общем-то, это было не далеко от истины: с последнего полноценного приема пищи прошло уже два дня.

Лишь когда пачки опустели, я осознала, какой ужас натворила. В панике подскочила с кресла босса и отпрыгнула назад. Взгляд судорожно бегал вокруг в мыслях: «Как спрятать улики?», но упал на нечто иное… Буквально повсюду были папки с документами. И даже будучи не семи прядей во лбу я прекрасно знала: такое должно быть в сейфе.

– Особенно это, – на самом верху кучи лежала папка по китайцам. Толстая, полная приватной засекреченной коммерческой информации. – Как он мог это просто так бросить?

Мое сердцебиение и внутренние мысли были настолько

громкими, что неизвестным мне чудом я упустила, как Соболев оказался рядом. Его стук по столу за моей спиной едва не лишил жизни.

– Как интересно, – голос усталым вдруг перестал быть, скорее хитрым и довольным. – Что это вы тут такое делаете?

Когда-то я была лучшей ученицей в школе, а потом самой преуспевающей в вузе, а что теперь? Это вопрос заставил слезы колом встать перед глазами.

«Теперь ты воруешь печенье у начальства, Вика!», – подсказал внутренний голос, и я затряслась от паники.

Скомкав «улики», я спрятала ладонь за спиной и неосознанно попятилась назад:

– Ничего, Николай Александрович. Шла в уборную, от усталости ошиблась.

Соболев выглядел не просто довольным, а воодушевленным. С трудом сдерживая улыбку, он медленными уверенным шагами настегал меня.

– Да что вы, правда? – наигранно доброжелательно процедил тот со вздернутой бровью. – Так устали, что перепутали первый этаж со вторым?

Сглотнув тяжелый ком, я кратко кивнула:

– Простите.

– Красную дверь с черной? – накидывал тот, вгоняя в краску. – Туалет с правой части здания, мой кабинет – с левой. Очень интересно, Виктория…

– Повторюсь, – собрав остатки гордости, смело произнес-

ла я, – простите.

– За такое не прощают, – холодно отрезал он, вздернув подбородок к потолку. Не сразу в собственной панике я поняла, что его взгляд сфокусирован на чем-то конкретном. – А что если я вам скажу, что здесь есть камеры, все записавшие?

Медленно мои глаза расширялись, а в голове заевшей пластинкой звучало: «Только не это! Нет, нет, нет!». В мыслях мелькали лучшие события в жизни, а губы позорно дрожали. А ведь когда-то я была подающей надежды отличницей… И вот теперь, по классике, скатилась на самое дно.

Подойдя к ноутбуку, Соболев торопливо его открыл и множество раз кликал на кнопку включения. Словно ему не терпелось меня разоблачить.

– Не надо, – тихо шептала я, бросая взгляды на дверь. – Я вам заплачу… Сколько скажите!

Нога босса топала по полу, а пальцы выбивали незнакомую мне мелодию по деревянному столу. Усмехнувшись, мужчина кровожадно покачал головой:

– Нет, милая. Поздно. На всякий случай: если решите сбежать, внизу вас уже ожидает полиция.

– ПОЛИЦИЯ?! – ужаснулась я, падая в кресло замертво. Дрожащая, онемевшая ладонь упала на грудь, где буквально сердце вырвалось из клетки. Пот обступил лицо, голова закружилась. Чертовы бумажки после крекеров и сушеного мяса упали на пол. – Неужели из-за такой ерунды…

– «Ерунды», Виктория?! Ну вы и двуличная… Для кого-как, конечно… – пождав губу, удивлялся мужчина. Ноутбук загорелся, возбужденный мужчина принялся быстро что-то набирать на экране, усугубляя мое состояние своими словами: – Имейте в виду, что все так просто не закончится. Теперь вы – моя марионетка. Что скажу – то и делаете.

«Из-за пачки печенья?! – в конец обомлела я. – Вот же жлоб!». Но пора было признать: каким бы мелочным не казался Соболев, я была виновна. Вторглась в чужой кабинет, съела чужую еду. К куче иных проблем добавились еще проблемы с законом. Конечно, за подобное реальный срок не дадут, но и пятнадцать дней за хулиганство отсидеть тоже не хотелось.

– Послушайте, Николай Александрович, – умоляла его я, – давайте я сама покаюсь…

– Поздно! – отмахнулся он от меня, как он надоевшей мошки. А после за спиной мужчины включился огромный монитор, где воспроизвелись сразу три камеры наблюдения из кабинета. – Давайте вместе смотреть, как вы тут «ничего не делали».

Не думала, что это будет так стыдно и унизительно. Не думала, что не сдержу слезы. Прикусывала губы, старательно напрягалась, но… Тонкие дорожки все же потекли по щекам, оставаясь на губах.

Соболев же внимательно смотрел с каменным лицом, словно все время чего-то ожидая. Вплоть до момента, пока

сам не вошел в кабинет, застав меня на «преступлении». Нахмурившись, он пересмотрел запись еще раз. Зарывшись в ладони, я мечтала провалиться под землю и умереть от стыда.

– Не понял, – хрипло, неуверенно и сбивчиво протянул босс, вскинув на меня растерянный взгляд. – Вика, ты что, просто ела гребанные крекеры с сушёным мясом?

Не в силах подавить эмоции, я прорыдала в ответ:

– Да. Прошу, не сдавайте меня полиции. Я все заплачу, клянусь. У меня пока только пятьсот рублей, но можете вычесть с будущей зарплаты.

Соболев морщился от моих слов, будто они причиняли ему дискомфорт, а после бросил последний взгляд на монитор и с раздражением захлопнул ноутбук.

– А почему бумаги не трогала? – с претензией допрашивал он, буквально меня в этом обвиняя.

– Мне зачем? Я есть хотела, а у вас так вкусно пахло… – от растерянности даже слезы высохли, и руки перестали дрожать.

– В коридоре же автомат стоит, не понимаю, – вскинул руками Соболев, глядя на меня, как на идиотку, а после обреченно выдохнул и присел на край стола, складывая руки на груди. – Как есть, не понимаю, Вика. Ты ведь по всем параметрам подходишь. Ты либо полная идиотка в плане шпионажа, что глупо со стороны конкурентов, либо специально своей псевдонаивностью мне мозги пудришь. Что тоже глу-

по! Ведь больше у тебя так или иначе не будет доступа к секретным документам.

Раскинув мозгами, пробежавшись взглядом по кабинету босса, я вдруг ахнула от шока и обиды. Слезы и стыд тут же сменились яростью, бесконтрольной. Той самой, когда под горячую руку даже твой непосредственный начальник может получить отпетых звездюлей.

– Я, значит, ночи напролет вашу презентацию идиотскую делала, а вы меня в производственном шпионаже подозреваете! Это как вообще называется, а?!

Спокойно и размеренно мужчина пожал плечами, поджимая губу. Мол, все очевидно.

– Кто бы еще вызвался добровольно со мной работать? – привел самый «гениальный» аргумент он.

– Я не вызывалась! – ахнула я, хватаясь руками за пульсирующие виски. – Меня Оля подставила!

– А еще ты все время, как робот, – глядя перед собой в стену, монотонно заявил Соболев. – Неестественная, не живая. Тебя вывести из себя невозможно. Скажи мне, прелесть, кто будет такое от начальника терпеть, если не шпион, а?

– Я знаю, кто! – меня снова потряхивало, только на этот раз от ярости. Измеряя шагами комнату, я пыталась немного успокоиться. – Человек, которому нужны деньги! Как думаете, почему ночь, а я на работе? Почему второй день в одном и том же? Почему мой живот бурчит так, словно атомный реактор взорвался? У меня нет гребанного дома! – осмеле-

ла я настолько, что подошла вплотную к Соболеву и ткнула его пальцем в грудь. – И я буду продолжать терпеть все ваши выпады, потому что гордость пройдет, а есть хочется всегда!

Ровно и безэмоционально начальник вздернул бровь:

– Это как-то связанно с тем, что твой жених ушел к другой?

«Как же быстро расходятся сплетни!», – подумала я, поморщилась и нехотя кивнула:

– Возможно.

– А денег нет, – продолжил свои догадки мужчина, – потому что зарплата маленькая?

Уж не знаю, что такое со мной приключилось, что язык развязался. Голод, холод и бедственное положение подействовало? Упав обратно на стул, я снова заплакала. Слезы просто текли по щекам, пока я смотрела куда угодно, но не на начальника.

– Вы не подумайте, я не какая-то дурочка, которая всю зарплату на крема с платьями тратит. Да и с Леней у нас была любовь. Мы как решили? Его квартира, он платит коммуналку. А я, в свою очередь, покупаю все необходимое в дом.

– Туалетную бумагу и полотенца? – неожиданно включился Соболев. Говори он привычным ему злобным тоном, я, быть может, и прекратила вещать правду, но он вдруг оказался спокойным мужчиной.

– Нет, – шмыгнув носом, решилась посмотреть на начальника исподлобья. К счастью, осуждения в глазах не заметила

и спокойно призналась. – Взяла в кредит новый холодильник, стиральную машину и телевизор. Ну и бытовые вещи тоже я покупала, да.

– Удивительно, как только смогла, – хмыкнул Соболев, поджимая губу.

– Кредит, – тяжело вздохнув, посчитала в уме. Ладонь сама по себе упала на лицо. – Десять лет платить. Представляете?

– Слаба богу, нет. Мне мои женщины технику не покупали. Бог избавил от такого позорища, – скривившись, Соболев вздернул брови до лба и недовольно качал головой. Мы сидели в гробовой тишине долгие минуты, думая каждый о своем, пока начальник не предположил первый: – Получается, я выгляжу с твоей стороны, как полный придурок. Чуть не засудил тебя за кражу гребанного печенья. М-да.

Подобное самобичевание из уст овна было настолько ценно и удивительно, что я побоялась спугнуть. Просто пожала плечами и кивнула.

– Ладно, так уж и быть, Виктория. Твоя взяла, – поднявшись на ноги, он быстро начал собирать документы и складывать те в сейф, неожиданно оказавшийся за телевизором. – Давай быстро собирайся, поеду тебя кормить. В качестве извинений, естественно.

Как бы там ни было, капля гордости во мне еще осталась. Игнорируя радостные спазмы желудка, предвкушающие что-то съестное, тихо прошептала:

– Что вы! Вы ведь не обязаны!

– Смотри сама, я уговаривать не буду, – не поворачиваясь ко мне, занимаясь делом, равнодушно хмыкнул мужчина. Но не успела я выйти, как услышала его душевный рассказ с придыханием: – Тут на районе открыли круглосуточный ресторан. Говорят, лучшая карбонара в городе! Знаешь, что это? Спагетти с кусочками сочного, поджаренного бекона, смешанные с соусом из яиц, сыра пармезан и пекорино романо, соли и свежемолотого чёрного перца. А еще там стейки из самой лучшей мраморной говядины. Знаешь, что это? В общем, слушай…

– ВСЕ, ХВАТИТ! – вытянув ладонь перед собой, я сдалась. Не так уж крепка оказалась моя выдержка. Прозвучал самодовольный смешок, слышать которой было выше моих сил. Так что развернувшись на каблуках, я быстро пошагала к своей каморке. – Пять минут.

– Две, – был мне ехидный ответ в спину. – Не успеешь? Я еду один есть карбонару.

В другой ситуации я бы никогда не села в машину к Соболеву вне работы. Во-первых, странно это все – ужинать вместе в ресторане. Во-вторых, была при женихе. В-третьих, слишком он агрессивную энергетику вокруг себя распространял.

Сегодня все изменилось. От голода все «табу» слетели напрочь. Сонливость и усталость раскрепостили. Стоило вспомнить, как Николай Александрович проштрафился, об-

винив меня в жутком промышленном шпионаже, как я твердо осознавала: «Ничего с ним не станется, если один раз с барского плеча скинет «плебею» подачку!».

– Я просил тебя, Вика, – тяжело вздохнул он свозь стиснутые зубы, когда я спокойно села на переднее сидение, а не на заднее, как учил «господин», – соблюдать рабочий этикет.

– Простите, Николай Александрович, – невинно переспросила я елейным голосочком, – а когда мы с вами на «ты» успели перейти?

Внезапно, наш босс-тиран, тот, что «типичный овен», растерялся. Обхватив руками крепче руль, поперхнулся воздухом и пожал плечами:

– Так рабочий уже день подошел к концу.

Довольно улыбнувшись, я удобнее устроилась на сидении и, на всякий случай, пристегнулась:

– Вот и мой ответ на ваш вопрос.

Хмыкнув, Соболев гортанно рассмеялся:

– Хитрая ты. Далеко пойдешь… Ладно, твоя взяла.

Сидя в комфортабельном салоне дорогого автомобиля с климат-контролем, я словно на время открестилась от проблем. Казалось, будто все давно позади… Расслабленно разглядывая мелькающие вывески за стеклом, я неосознанно вырисовала сердечко. Но тут же вздрогнула и стерла его, когда Соболев вдруг заговорил:

– Давно в столице живешь?

Понуро улыбнувшись, я лишний раз убедилась, что он

мое резюме не читал. А если читал, то вскользь.

– С первого курса вуза, – кратко ответила я, почему-то напрягаясь.

– С парнем тогда познакомилась? – равнодушно произнес Соболев, а я вздрогнула.

Услышать нечто подобное от Николая Александровича было настолько неожиданно, я бросила на него полный удивления взгляд. Убеждаясь, что не причудилось. Интерес к моей персоне действительно присутствует.

– Приблизительно, – настороженно протянула.

Осознав, что разговор у нас не клеится, мужчина замолчал и включил радио. Остаток пути я была в расслабленном состоянии. Ровно до того момента, как увидела вывеску ресторана «Мех». Был он не в нашем районе, как говорил Соболев, а почти за городом. Внутри оказалось, что это больше караоке-бар, чем место для быстрого перекуса.

– А на что ты рассчитывала в такое время?! – развел руками босс, подцепив мой локоть и буквально поволочив в сторону столика, расположенного у стены в тени.

Музыка вокруг гремела, люди были явно навеселе с тонной спиртного в организме. Я не успела оценить обилие золотых и красных элементов интерьера, как официант уже принесла меню.

– Выбирай все, что хочешь, – не глядя на меня, Соболев изучал меню так внимательно, будто это договор на пару миллионов. – Угощаю.

Желудок бурчал от каждого блюда. А еще где-то внутри меня радовалась маленькая девочка. Ведь впервые в жизни меня пригласили в ресторан! У Лёни всегда не было денег, либо он находил им другое применение.

– Карбонару, стейк из мраморной говядины и… – давя слюни, торопливо произнесла я девушке, но тут же поймала на себе взгляд Соболева, аля, какая же ты предсказуемая! Отряхнувшись, рандомно тыкнула пальцем: – Шоколадный пирог с манговым муссом, пожалуйста.

– А вы уже определились? – мило обратилась официантка к Соболеву, и тут началось страшное.

Прочистив горло, он холодно заявил:

– Мне бы стейк из семги на подушке из овощей… Но, – пожав плечами, он пронзительно уставился на девушку, – какие овощи туда входят?

– Цуккини, баклажаны, помидоры и сладкий перец, – без запинки ответила та.

– Насколько они стары? – вздернул бровь Соболев.

– Эмм… – девушка начала плыть. – Сегодня утром привезли.

– На словах можно все, что угодно рассказать. Чек есть? – на полном серьезе заявил босс, и я обомлела. Девушка кивнула, и он продолжил. – Хочу посмотреть.

– Не уверена, что эта информация для клиентов доступна…

– Доступна. Законы надо знать. Учились бы в вузе, знали

бы, – недовольно покачал головой начальник.

Словно следя за пинг-понгом, я переводила взгляд с одного на другого, тайно мечтая сбежать от неловкости. Облегчение почти пришло, когда девушка развернулась в сторону кухни, но Николай Александрович снова ее затормозил:

– Стойте, я не все спросил.

Следующие длинные, нескончаемые минуты он узнавал все, что только можно о семге, а после выведал полный перечень специй, входящий в состав блюда. Более того, затребовал сроки годности. И только изучив их, дал добро на приготовление. К тому моменту, я уже доела карбонару с мясом и ждала свой десерт.

– А вы дотошный, – кратко констатировала я. После еды улыбка сама по себе расползлась по лицу, и все вокруг стало неважным. Даже то, каким невыносимым был Соболев.

– Хочу понять, могу ли в дальнейшем посещать это место, – махнул рукой мужчина. – Запомни, Вика: доверяй, но проверяй.

Без задней мысли я хмыкнула:

– Это очевидно. Всегда так делаю.

– Не заметно, – язвительно рассмеялся Соболев, и я не сразу осознала, о чем идет речь. А когда поняла, кусок в горло больше не полез. Побелев, уставившись в одну точку перед собой, я неосознанно надула губы, а Николай Александрович цокнул языком: – Серьезно? Ты обиделась? Что за детский сад?

– Не обиделась, – протараторила я, сложив руки на груди. – Проехали.

Мужчина считал иначе. Нагнувшись ко мне через столик, он вдруг оказался неожиданно близко. Я могла слышать чарующий аромат терпких духов и запах его кожи:

– Запомни, милая, если ты хочешь достичь высот – фильтруй эмоции. Есть типы женщин, которых никогда не повысят: склочные, обидчивые и сплетницы. Ты девушка у нас талантливая, я это вижу. Так докажи мне, что помимо книжных знаний в тебе есть стержень.

Уж не знаю, что такого было в Соболеве… Харизма, пронзительный взгляд или умение вещать речи, но я прямо зажглась изнутри и воспарила духом.

– Спасибо вам, – с улыбкой поблагодарив босса, я радостно накинулась на шоколадный пирог, а Соболев приступил к своей семге с овощами. Когда ужин подошел к концу, а мы уже направлялись к выходу из заведения, меня вдруг осенило вдохновение.

– Слушайте, а не могли бы меня подвезти кое-куда. Я вам адрес продиктую, – с надеждой посмотрев на Соболева, я увидела лишь не пробивную маску. Ноль эмоций и странный, заинтересованный взгляд с прищуром.

– Я, по-твоему, таксист? – процедил тот, но мне почему-то страшно не стало. – Или фея крестная?

– Нет, но… – не успела я осознать происходящее, как перед глазами появилась шикарная блондинка.

Она буквально оттолкнула меня в сторону, приняв эффектную позу перед Соболевым. Совсем не хрупкая, а очень даже фигуристая барышня выглядела очень эффектно в обтягивающем платье в пол. Глубокое декольте обнажало четвертый размер груди, а сборки позади подчеркивали аппетитный зад.

Признаться, я даже позавидовала… Но тут она вдруг заговорила пискляво-елейным тоном, заставляя поморщиться:

– Гуляешь по ресторанам среди ночи, – на меня был брошен краткий взгляд, полный призрения. – С девушкой. Отлично, Ник.

Мне вдруг стало неприятно и неловко. Соболев же свел брови на переносице, внимательно осматривая девушку в красном. Видимо, он пытался осмыслить такую внезапную встречу. Открыв рот, чтобы объяснить ситуацию, он тут же его захлопнул. Его вид так и кричал: «Чего это мне перед ней распинаться?».

– Приятно было повидаться, Кристина. Хорошо выглядишь, – сжав предплечья шокированной девушки, он буквально переставил ее с боку от себя, освобождая проход. – Будет настроение увидеться – звони.

И Соболев просто ушел. Роняя челюсть на пол, я не сразу осознала, что пора бы бежать за ним следом. Ибо эта сама Кристина дышала в мою сторону так, будто я ее ужин.

Николай Александрович шел к машине быстро, я едва за ним поспевала. В авто буквально упала запыхавшись, хвата-

ясь за сердце.

– А вы не переборщили с ней? – зачем-то спросила я. – Она явно приревновала вас ко мне. Успокоили бы девушку.

Раздраженно фыркнув в мою сторону, начальник не двойственно отчеканил:

– А ты не переборщила, расставаясь с женихом? Может он хороший мужик, – я рот и захлопнула, поежившись. Довольно кивнув, Соболев взял в руки телефон и принялся вбивать адрес. – Диктуй, Вика. Я все еще надеюсь поспать сегодня хотя бы час.

Глава 4

Стоило только увидеть вдалеке знакомый дом, как в сердце что-то сжалось, а желудок свело жутко неприятным спазмом. Внутри было полное ощущение, что я не виделась с Лёней месяцы, а то и годы…

– Какой подъезд? – неожиданно холодный голос Соболева взбодрил. Бросив краткий взгляд на мужчину, я увидела его напряженным и недовольным.

– Третий, – откинув сторонние мысли, я принялась задыхаться от стресса и адреналина.

Барабаня по рулю, начальник молчал… Терпел, терпел и взорвался в тот момент, когда я дверь авто распахнула и поставила ногу на старый разрушенный асфальт.

– Решила вернуться обратно, Виктория? – замерев, я удивленно обернулась на мужчину. Между его бровей залегла глубокая морщина, а пальцы были сжаты в кулак. – Неужели все ради кредитов?

Слишком уж саркастичным и издевательским был тон Соболева, что не располагало на откровенность. Так что равнодушно пожав плечами, я с улыбкой отмахнулась:

– При всем моем уважении к вам, это не ваше дело.

Выйдя из машины, я не глядя захлопнула дверь и замерла. Думать о моем плане в салоне дорогого автомобиля было легче, чем приступить к действию. Одернув пониже платье,

я насторожено обернулась по сторонам. Мой прежний район не считался благополучным, почти все фонари не работали.

– Знаете, Виктория, я все же дам вам один совет. И совершенно бесплатно, заметьте! – приспустив окно, буквально прокричал мне Соболев. Мои мысли к тому моменту были далеки от него, упрямого наглого начальника, и я вздрогнула от страха, хватаясь за сердце. Пока пыталась отдышаться, босс хрипло прорычал: – Говорят, что нет ничего более низкого, чем измена. Я в этом в корне не согласен. Еще более низкими являются люди, которые прощают изменщиков и закрывают глаза на них. Никакие кредиты и вещи подобного не стоят. Знайте себе цену.

Чем больше слов вырывалось из губ всегда такого замкнутого и делового начальника, чем шире становились мои глаза. Брови поднимались все выше и выше по лбу, пока складки на коже не стали болеть. Я была не просто шокирована такой эмоциональной тирадой, а буквально выпала из колеи.

«С чего Соболев так за меня переживает?», – возник внутри закономерный вопрос.

«Все просто, – нашла самый логичный и успокаивающий ответ для себя, – это что-то личное!».

Вдох-выдох и тело накрыл легкий нервоз. Непроизвольно отбивая ногой мелодию, я кусала губы в кровь. Почему-то мне дико не хотелось оставлять данную тему просто так, позволять Николаю Александровичу думать обо мне плохо. Так что подойдя вплотную к окну, я пригнулась и успокоила бла-

годетеля:

– Не собираюсь я к Лёне возвращаться, вы что! Просто хочу забрать свое.

Покашляв в кулак, Соболев развернул в мою сторону циферблат часов:

– В три ночи, Виктория?

Немного растерявшись, поспешно уверенно кивнула:

– Да.

– И, – удивительно, но босс вдруг начал старательно давить улыбку, сжимая губы в трубочку. Что это, если не первые признаки инсульта? – до утра это подождать не может?

– Может, – слукавила я, кривясь, – но… Сейчас я вдохновленная на смелость, а завтра снова буду бояться смотреть бывшей свекрови в глаза.

В глазах же мужчины напротив появилась тревожная задумчивость, и улыбка опала:

– Они у вас буйные?

Вспомнив поведение Лёни в момент его измены и свою вечно недовольную свекровь, нехотя снова кинула:

– Могут быть. Но я справлюсь.

– Есть друзья, чтобы позвать на помощь в случае фиаско? – зачем-то поинтересовался начальник, и я открестилась. Вряд ли мои институтские подруги бросят своих маленьких детей и прилетят ко мне среди ночи. Мы-то и днем уже три месяца встретиться не можем… Вдруг Соболев обреченно вздохнул и устало зарылся лицом в ладони: – За что

мне это все? Черт… Говорила мама мне в детстве: иди в пилоты. А я зачем-то компанию свою открыл, думал, легче будет. Куда там? После нашего коллектива мне ад Мальдивами покажется!

Чем больше причитал себе под нос Соболев, тем больше я нервничала. Диагноз инсульт подтверждался на глазах! Вытянув руки перед собой, я спокойным голосом процедила:

– Так… Вы только не волнуйтесь! Есть слабость или онемение в руке или ноге? Головокружение? Потеря равновесия? Координации? – Соболев поднял на меня очумелый взгляд, а я сочувственно прошептала. – Только не волнуйтесь, возможно, вы сейчас потеряете сознание.

– Это ты сейчас потеряешь сознание, Вика, если не перестанешь приписывать мне всякие болезни! – прорычал он, ударяя кулаком по рулю. Задев клаксон, он буквально оглушил пол дома, даже я подскочила. Затем на лице вечно холодного и отстиранного мужчины появилось выражение страдальца: – Скажи, за какие грехи ты на мою голову упала?

Обернувшись назад, я даже не сразу поверила, что Соболев со мной разговаривает. Ибо я к нему никуда не падала и ничего от мужчины не хотела. Спокойно развернувшись спиной к машине, равнодушно пошла к подъезду:

– Вам явно надо отдохнуть. Поезжайте домой.

Как вдруг позади послышался странный звук, пробравший до мурашек. Соболев вышел из машины, заблокировал автомобиль и отправился следом. На мой вопросительный

взгляд был «очевидный» ответ:

– Я пойду с вами.

– Не нуждаюсь, – вздернув подбородок вверх, я перекрыла мужчине проход в подъезд, в которым даже не было замка.

– Ваша неуместная гордость – это конечно очень весело и похвально. Но не в такое время! – положа руку на сердце, злобный босс меня заверил. – Ты уж поверь, Вика, я не о тебе переживаю. А о себе. Мне проблемы с законом не нужны.

– С законом? – сведя брови на переносице, я напряглась.

– Именно, – чересчур активно закивал тот. – Вот ты сейчас пойдешь к своему агрессивному бывшему, он тебя прибьет. Естественно, потом расчленит и будет по частям выносить из квартиры месяц-другой…

Нервно моргая, я дрожащими губами попятилась от мужчины:

– Для кого это «естественно»?

Отмахнувшись от меня, Соболев продолжил:

– И вот я становлюсь последним, кто с тобой контактировал при жизни. Главным подозреваемым! К тому моменту, как твоего бывшего спалят, моя репутация будет в корне испорчена, а контракты на миллионы – разорваны.

С широко распахнутым ртом, я пыталась переварить историю Николая Александровича. Только вот мои мысли давно были направлены в иное русло, так что вытянув ладонь перед собой, я призвала мужчину помолчать. План «как отделаться от босса за считанные секунды» нашелся сразу:

– Давайте так: я сейчас зайду сама, а если через десять минут не выйду с чемоданом – можете подняться в сто седьмую квартиру. Идет?

Не сразу, но босс кивнул, и я облегченно выдохнула. Через щель в подъездной двери я подсмотрела, как тот с пренебрежением сел на старую советскую лавку и принялся ждать. Ситуация набирала все более странные обороты!

Решив подумать об этом потом, я расправила плечи и пошла наверх. План был быстро собрать вещи и поставить Лёню перед фактом, что завтра приедут грузчики за бытовой техникой. За какие деньги я их найму? Пока не знала. Куда везти? Тот же ответ. Но точно могла гарантировать одно: если не сделаю это сейчас, и потом не смогу.

У знакомой двери замерла, замешкалась. Сперва занесла руку, чтобы постучать, а после передумала. Вдруг остались еще спящие люди в этом районе после клаксона Соболева? Достала из сумочки связку ключей. Дрожащей рукой провернула засов, толкнула противно скрипящую рухлядь и замела на пороге.

Все было иначе.

На полу больше не лежал привезенный мною от родителей коврик, но по-прежнему у стены стоял трухлявый, полуразваленный шкаф бывшей свекрови. Зеркало, обувница, вешалка, подставка под украшения – все, купленное мною для уюта, бесследно пропало.

– Что за черт?! – растерянно ступив вперед, я замешка-

лась. Включила свет и огляделась. Благодаря расположению комнат, косвенно озарилась вся квартира. И тогда я осознала масштабы бедствия: все новое и более-менее сносное – исчезло. В предчувствии неладного, я бросилась в спальню, где были мои вещи. Но полки оказались пусты. От шока губы дрожали, а с глаз срывались непрошенные слезы: – Где? Где все?!

Я была настолько взвинчена, что не услышала шаги за спиной, только злорадный голос:

– Объявилась, шлюха? Ну, получай по заслугам…

Обернувшись, я увидела свекровь в пижаме и с бигудями на голове. Только тогда я обратила внимание, что «супружеское» ложе тоже пропало, и Лёни дома не было.

– Кто я? – брови поползли на лоб.

– А где ты шлялась все это время? Ясно ведь. По мужикам! – хлопнув в ладоши, женщина осуждающе покачала головой. – Шлюха, пить дать!

– То есть, – давясь возмущением, я неосознанно сжала кулаки, – ваш сын изменяет девушке, а шлюха я?!

– Ты – женщина. У нас другие обязанности! А мужчины слабые на, так сказать, низменные потребности, – с пеной у рта она буквально бросилась грудью на амбразуру. – Да и Лёня по любви, это – другое дело. Межу прочим, он уже переехал к своей новой возлюбленной, даже вещи перевез.

Ударив себя в грудь, я ошарашенно воскликнула:

– Какие вещи?! Мои??

– Вы не в браке, это не совместно нажитое имущество. Считай это платой за проживание в сердце столицы бесплатно, – горделиво вздернув подбородок, заученным текстом отрапортовала та. Явно готовилась к моему приходу. – Я свои права знаю, а ты здесь никто. Понаехавшая!

Виски начали пульсировать от жуткой, пронизывающей спазмами боли. Сжав переносицу пальцами, я из последних сил миролюбиво отчеканила:

– Кредиты платила я со своей зарплатной карты. Ваш бред ни один суд не воспримет всерьез. Да и вещи чужие брать – уголовно наказуемо.

Ненадолго бывшая свекровь растерялась, а после хитро улыбнулась и закатила глаза:

– Ну и иди в суд, умная тут нашлась. Я посмотрю, как тебя, селючку, будут ставить выше городских. Даже заявление никто не примет… Я тебе советую, иди отсюда по-хорошему. Не хотелось бы мне участковому Юрочке звонить, позориться.

В какой-то момент мне показалось, что все вокруг не реально. Мол это страшный сон. Вот сейчас проснусь, Лёня обнимет меня покрепче, чмокнет в щеку и прижмет к себе. А на утро сделает омлет с вареной колбаской и будет смотреть на меня, как обычно, с восхищением.

Но нет. Слишком уж реальным был сон. В растерянности я переводила взгляд с пустых полок, где были мои вещи, на бывшую свекровь и теряла силу бороться. Было сложно осо-

знать, что люди бывают так жестоки…

– Иди-иди, – мерзко-сочувственно прошептала старушка, положа руку на сердце. – Не мозоль глаза, раздражаешь.

Дверь позади хлопнула, явно чисто для виду и привлечения внимания. Гость стоял там давно, в общей перепалке его вовсе не заметили. Соболеву я не удивилась, а вот старушка ужаснулась и прижалась к стене.

– Я смотрю, – самодовольно улыбнулся Соболев, – не так уж далек я был от реальности? Да, Виктория?

– Бог мой! Что за стыд средь ночи?! – запричитала женщина, хватаясь за сердце. – Любовника своего привести в дом мужчины, что тебя обогрел, одел и обул! Где же это видано?! Кому расскажешь, не поверят.

Щеки мои вспыхнули по мановению волшебной палочки, а голова закружилась от стыда. Я-то привыкла к подобному нытью бывшей свекрови, а вот реакция Соболева пугала. Мало ли, что он мог обо мне подумать…

Но, к счастью, босс был человеком не прошибаемым. Пройдя офисную «военную» подготовку, в виде прямого руководства толпой ленивых сотрудников, он спокойно изучал старушку, как зверушку. Рассматривал, оценивал, что-то в голове прикидывал.

– И, – кратко спросил он меня с приподнятой бровью, – она такая всегда?

– Угу… – горло сжалось так, что выдавить больше ничего не смогла. Глядя, как женщина между нами набирает полные

легкие для дальнейшего шоу, я подобралась с места и бросилась к Соболеву, хватая того за рукав и утягивая к выходу. – Знаете, а я передумала! Пойдемте-ка отсюда быстрее… Зачем мне эти вещи, правда? Пока на работе поживу, вам же лучше… А дальше новенькое куплю, так даже интереснее.

– Правильно-правильно, – довольно прокричала вслед женщина. – Проваливайте подобру-поздорову!

Николай Александрович замер на месте. Спина его напряглась, а руки сжимались и разжимались со скоростью света. Медленно он повернулся на старушку, сверкнув в нее страшно пугающим взглядом, прошибающим до костей. Та прижалась к стене и задрожала.

– Я тебя не узнаю, Вика, – качая головой, выдохнул мужчина. – Ты настолько себя не уважаешь, что позволишь этим людям так себя вести?

– Но… – стало горько и досадно. А еще добивало то, что Соболев все это видел и явно меня жалел. Подобное чувство в свой адрес я не любила. – Что я могу? В суд идти? Доводить их до белого каления постоянными визитами? Только вот это меня тоже доведет.

Деловито оценив мою речь и явную панику на лице, начальник ответственно кивал, словно мы на презентации со спонсорами, а не в моей бывшей квартире по бытовому вопросу.

– Ты слышала такое выражение, солнце, – мягко, хрипло прошептал он с мальчишечьей усмешкой. От обраще-

ния «солнце» мое сердце сжалось, покрылось мурашками и сдалось в плен обаянию мужчины напротив. – «Поступай с людьми так, как хочешь, чтобы поступали с тобой?».

Бросив краткий взгляд на бывшую свекровь, которая тишком-нишком кому-то звонила, прикрывая губы ладонью и гневно на нас поглядывая, я уверенно кивнула:

– Конечно, слышала. Именно это и собираюсь сделать.

Неожиданно Соболев махнул рукой. Я даже отшагнула в сторону с перепугу.

– Забудь и вычеркни из памяти. Его придумали люди, что делали гадости другим и не хотели расплаты. Правило победителей гласит: «Будь добр к людям ровно до того момента, как враги тебе на порог кучу не навалили. Затем пойди к этим самым врагам и навали им в ответ!».

Я прямо обомлела. Передо мной стоял миллионер, руководитель и владелец крупной компании с огромным штатом сотрудников в подчинении. И прямо сейчас он предлагал мне сходить по большому свекрови на коврик? Даже в моем прогрессивном мозгу дебит с кредитом больше не сходился…

Краснея и белея, положа руку на сердце, я севшим фальцетом взмолилась:

– Николай Александрович, я, конечно, все понимаю, но…

– Вик, – закатил глаза тот, перебивая, – я имел в виду: удар надо наносить в ответ. А не то, что ты там себе подумала!

И снова я посмотрела на старушку. Несмотря на все коз-

ни в мою сторону, она была старой и имела сильные проблемы со здоровьем. Мне совершенно не хотелось брать ответственность за ее инфаркт и инсульт.

– Может не надо? – вздернув бровь, буквально попросила я.

– Надо, – твердо предупредил меня босс, натягивая мину непоколебимости. – Но ты не переживай. Я составлю таблицу. Подсчитаю общий урон: моральный и материальный. Ответим ровно в такой же степени.

Глаз начал подозрительно дергаться:

– Т-таблицу?

– Именно, – кивнул он уверенно, словно не видел в этом ничего странного. – До утра заполнишь мне по десятибалльной шкале. Где «один» – это ноль потерь, а «десять» – это максимальный урон. Пока ты будешь на рыбалке, я со всем разберусь. Так просто данная семейка от тебя не отделается.

Усиленно моргнув, я в который раз убедилась: мне ничего не снится. Ужас вокруг действительно происходил. А руины моей жизни давно сравнялись с землей.

– Это… странно. Да и утро почти наступило. Какие к черту таблицы? – мысли разлетались в разные стороны, ничего дельного сформулировать не получалось. Искоса взглянув на Соболева с прищуром, я вдруг искренне заинтересовалась вопросом: – Не пойму, зачем вы в это ввязались? Зачем помогаете?

Странная вещь вдруг случилась. Очень быстро, почти

незаметно… Соболев растерялся! Его глаза округлились, в них мелькнуло полное непонимание ситуации, а после тут же исчезло. Словно и не было! И было в его испуге что-то милое, по-детски невинное и умиляющее. Будто Николай Александрович не робот, а человек. С чувствами, эмоциями и состраданием к ближним.

Но его последующие слова заставили усомниться в том, что я видела:

– Если я хочу, чтобы ваш острый ум получил огранку в виде стального характера, то должен приложить к этому руку. Считайте, что это бизнес-тренинг за счет компании.

Брови вздернулись вверх от удивления. Звучало это глупо и скрупулёзно, но вполне в духе нашего начальства. Так что кивнув, я с опаской согласилась:

– Что мне надо делать?

Вытянув передо мной распахнутую пятерню, он принялся демонстративно загибать пальцы:

– Соглашаться со мной во всем. Не плакать. Не повышать голос. Не вестись на уговоры. Никого ни в чем не обвинять. Ясно? Остальное на мне.

Отдав тому честь, не сдержала улыбку:

– Есть, босс!

Кому расскажешь, не поверят, что произошло этой ночью…

– А теперь собирай вещи свои. Хотя бы что осталось, – воинственно оглядевшись вокруг, пробежавшись взглядом

по обедневшей обстановке, мужчина поморщился. – Почему так пусто?

– Они все вынесли. Тут даже моих трусов нет с лифчиками… – с трудом выдавила я из себя. И хоть моей вины в данном не было, стало стыдно и неловко.

Бывшая свекровь как раз закончила телефонный разговор, когда Соболев подошел к ней вплотную:

– Женщина, где вещи гражданки Виктории Степановны? Я, как ее адвокат, представляю закон. Спорить смысла не вижу, настроение на это тоже нет. Отвечайте кратко, по существу. Как перед лицом закона.

Очень сильно хотелось женщине спорить и обвинять, но презентабельный вид гостя явно наводил на мысль: «А вдруг действительно адвокат?». И она молчала, жевала язык и хмурилась.

– Алло, гражданочка, – не выдержав, Соболев пощёлкал пальцами перед ее ртом. – Есть кто на месте? Я тут! Мне очень неловко, но трусики Виктории вам даже на кисть не налезут. Да и мыть полы ими бессмысленно. Разве что посуду… Но зачем вам это, правда? От вашей желчи вся грязь сама разъедается… Так где они?

И она молчала, сложив руки на животе и глядя в одну точку перед собой. Сперва было непонятно: «К чему этот цирк?», ведь напор начальника был похлеще танка, и он явно не выглядел, как человек, способный отступить от намеченной цели. Но потом входная дверь открылась, и в нее вошел

Лёня в белых трениках и в потертой майке… А за ним пряталась та самая любовница, выглядывая из-за угла с опаской.

– Ну, привет! – горделиво вздернув подбородок, Лёня явно считал себя хозяином положения. – Попались, любовнички?

Соболев пробежался по нему быстрым взглядом, обращаясь к старушке:

– Мужа или брата позвали на помощь?

И тут мне стало неловко. Потому что Лёня действительно выглядел, мягко скажем, не на свой возраст. Я любила мужчину за душу, никогда не обращая внимания на детали. А сейчас, когда розовые очки спали, передо мной стоял толстопузый коротыш с залысиной.

– Это сыночек мой, – гордо заявила бывшая свекровь, а после развернулась, обошла Соболева, быстро забежала в гостиную и заперлась изнутри. – Вот с ним и разбирайся.

Соболев был явно ошарашен. Настолько, что просто мертво стоял на месте, переводя взгляд с меня на Лёню. Что-то в нем не сходилось. Массируя виски, он вдруг выпалил:

– Вика, я не понимаю… Вот вообще, веришь?

Наши взгляды с начальником схлестнулись, завязался немой диалог без слов. Он осуждал меня, это было очевидно. Словно говорил: «Твой Лёня моральный урод, бедный, жадный и далеко не красавец. Почему?». А я словно отвечала: «Я любила его». Это Николая Александровича еще больше озадачило. Он явно не понимал, почему таких людей любят.

Теперь не понимала и я.

– Ваши переглядки уже бесят. Поваливайте. Ментов я уже вызвал, – геройски заявил Лёня, и Соболев оживился.

Видимо, мой бывший не вызывал у него никакого уважения и интереса, потому как общался он с ним грубо, с пренебрежением и вскользь:

– Где вещи Виктории?

– Технику и текстиль в квартиру к Машке перетащили. Косметику, всякие штучки-дрючки – тоже, – без тени сочувствия и сострадания Лёня обернулся назад, где была та самая соседка. – Вещи на Машу не налезли. Это Вика доска, а Маша у меня – фигуристая. Ее дочке двенадцатилетней отдали.

От шока из губ вырвался непроизвольный звук, непонимающий крик. Соболев лишь холодно повел бровью:

– Ясно. У вас есть тридцать минут, чтобы собрать это и вернуть владельцу.

И Лёня действительно пошевелился. Сперва я решила, что он сдался напору босса и умывает руки. Но вместо этого из-за спины у него показалось охотничье ружье. В блестящих глазах Маши буквально читалось: «Мой мужчина – герой!». Это шокировало еще больше…

– Николай Александрович, – от страха я неосознанно схватила того за руку. Буквально переплела наши пальцы. – Нам лучше уйти. Бог с этими вещами. Они же тут все ненормальные!

Ситуация была патовая, напряженная. В маленьком кори-

доре буквально искры вокруг летели. И все же начальник не боялся, я это чувствовала. И чувствовал Лёня, угрожающе направляя оружие прямо на «противника».

– Это уже дело принципа, солнце, – мягкий голос обволок меня нежным кремовым сиропом, унося по кисельным берегам в дальние дали. Я перестала трястись от ужаса и покрылась мурашками от микро-оргазма каждой клеточки тела, когда Соболев нежно улыбнулся, тихи шепнув: – Успокойся, Вика. Все хорошо.

И я действительно поверила в это, когда он в ответ сжал мою руку. Трепетно и осторожно, словно я фарфоровая и хрупкая. А затем Николай Александрович отпустил меня и просто шагнул на Лёню.

– Нет, – взревела я, – не надо!

– Не подходи, урод! – зарычал мой бывший, руки которого заметно тряслись. – Зашибу!

– Давай, прирожочек, – шептала ему на ухо Маша. – Сделай это! Стреляй!

А Соболев все шагал, словно не видел никакой проблемы. Руки Лёни уже тряслись так сильно, что он запросто мог спустить курок по неосторожности. В конечном счете босс буквально врезался грудью в дуло, в комнате замерли все. Даже бывшая свекровь за дверью перестала возмущаться и притаилась.

– Что же ты, Леонид? Стреляй! – саркастично предложил Соболев. Зарывшись лицом в ладони, я ждала худшего и по-

минала босса, как самого отважного идиота этой столицы. Лёня спустил курок и… Ничего не произошло. Соболев расхохотался. Даже сейчас, когда я почти потеряла сознание от напряжения, звук проникал мне под кожу и вызывал странное томление между ног, заставляя сжимать коленки. – Что, не получилось? Сложно, наверное, пристрелить кого-то с ружья из «Детского мира», да?

– А-а-а… Э-э-э… – краснея за долю секунды, Лёня стыдливо опустил взгляд. Бросив «оружие» на пол, он позволил тому раскрошится на мелкие части. Оказалось, это просто пластик. Маша за спиной гневно рычала, глядя на «пирожочка», как на кусок отходов. Пожав плечами, он прошептал: – Прости, но откуда у меня может быть настоящее оружие?

Топнув ногой, она развернулась и пошагала на свой этаж:

– Да пошел ты! Возвращайся обратно к своей мамке под бок, слюнтяй.

Повернувшись ко мне, Николай Александрович пояснил, пожимая плечами:

– Мой отец увлекался раньше охотой. Я такие вещи за километр вижу. Да и явно твой Лёня ничего тяжелее кружки пива никогда не держал.

– ВООБЩЕ-ТО, Я!.. – зарычал тот, решив верно доказать, что он такие мужчина.

Договорить ему не дали. Кулак прилетел Лёне прямо в лицо, заставляя того повалиться на землю.

– Это тебе за те слова, что в адрес Вики говорил, – нависая

над моим бывшим, Соболев выглядел пугающе увлеченным процессом. Лёня заныл, когда прилетел новый удар. – Это за цирк, который тут устроил, – новый удар и по подъезду эхом разлился плач. – А это для профилактики.

Повернувшись ко мне, Соболев отряхнул руку, поправил костюм и спокойно спросил:

– Знаешь, где квартира этой Маши? – я кивнула, тот перешагнул Лёню и подал мне руку. – Идем. Закончим с этим скорее. Утомили меня, Виктория, твои знакомые. После такого даже наши лодыри из офиса кажутся паиньками.

С трудом давя улыбку, я тонула в благодарности и радости, что все так хорошо закончилось. Поднимаясь наверх, не сдержала саркастичный вопрос:

– А как же ваша таблица? Разве вы не должны были «разобраться» после того, как я ее заполню? Как мы теперь поймем, что к чему…

– Это, – мужчина ткнул пальцем вниз, где Леня с трудом заполз в квартиру и закрыл дверь на ключ. – Внештатная ситуация, аванс.

И вещи я действительно собрала, пока Маша с детьми смотрели на меня, как на предательницу. Не сильно хотелось пользоваться вещами, которыми игрались дети этой самой соседки или растянули, испортили, замазали, но… Еще больше не хотелось оставлять им то, что нажито непосильным трудом. Пользоваться впредь я спокойна могла лишь ноутбуком, пароль к которому никто подобрать так и не

смог.

– Распоряжусь, что пока крупную бытовую технику перевезли в офис. Дальше будет видно, – тоном победителя произнес мне Соболев, укладывая чемодан в багажник своего автомобиля. – Утром грузчики заберут. Пока пусть стоит у этой Маши. Вряд ли они решаться что-то выкинуть впредь.

До офиса мы ехали в гробовой тишине. На смену краткой радости пришло грустное осознание: теперь у меня нет дома и нормальных вещей. Они либо порвались на огромной заднице Маши, либо растянулись так, что больше походили на тряпку. Даже те, что носила ее двенадцатилетняя дочь, оказались все в странной слизи и въевшихся пятнах. Больше у меня не было косметики и элементарной расчески – все поломали. Туфли – растянуты, стоптаны. Украшения – разорваны. Сумки – все в шариковой ручке, счесаны.

У меня была работа, на которой впредь меня никто не любит. Как будто этого было мало… Теперь еще около кабинета будет стоять холодильник со стиральной машиной, превращая меня в предмет всеобщей насмешки. Как будто клейма «предательницы» и «брошенки» было мало!

– Приехали, – понуро заявил Соболев.

Удивленно на него посмотрев, я не сразу поняла, с чем связаны такие эмоции. И тут до меня дошло: уже светало. А возле центрального входа в офис стоял припаркованный мерседес Федора, из которого вышел он сам. Весь в рыболовном обмундировании.

Глава 5

Федор даже на рыбалку не ездил без сотни охранников. Вооруженные мужчины с оружием плотно окружали миллионера, словно он и вправду кому-то сильно нужен.

– Он ведь ждет мою семью, – испуганно прошептала я, а после не двойственно повторила главное, изображая кавычки в воздухе. – «Семью», Николай Александрович!

– Не переживай, – заверил он меня, – Они будут через пять минут.

Облечено выдохнув, я позволила себе расслабиться. К тому моменту Федор уже подошел вплотную к автомобилю, открывая мне дверь. Вместо приветствия, он холодно прошелся взглядом по моему платью:

– Вы так ехать собрались? Нет, униформу я вам дам, но до места же надо как-то добраться. Вряд ли это будет просто на каблуках.

Гневно зыкнув на Соболева, я застала его крайне невинное выражение. Мол, я не при делах. Выкручивайся, как можешь.

– Привыкла, знаете ли, всегда быть на высоте. Не могу позволить себе носить джинсы с майками. Не женственно это, – говорила и сама себе не верила.

А вот Федор слушал и одобрительно кивал. Явно в его мировоззрении у женщин была особая роль: у плиты.

– Похвально, Вика, – хмыкнул он, и я натянула неестественную улыбку. Ведь никто вокруг даже не подозревал, что впредь мне попросту было нечего носить кроме чертового платья и пары неуютной обуви, от которой болели ступни.

– Вика у нас такая, – с трудом скрывая сарказм в голосе, поддержал диалог Соболев. – Всегда при параде. Наряженная, с укладкой. Типичная девушка!

«Вот же гад!», – прорычала я про себя, внешне стараясь держать марку. Ведь это был явный камень в мой огород. «Типичной девушкой» я уж точно не была. Мои волосы были либо в высоком хвосте, либо вычесаны прямо. Все. Никаких тебе укладок и сложных хитросплетений. С макияжем было все еще проще: туш и блеск. Все! К счастью, кожа моя была чистой, не требующей замазки. С одеждой так же не особо «весело». Ведь платье, что я носила теперь который уже день, было мое единственное нарядное. Да и вообще – единственное. С моими расходами и доходами сложно позволить себе дорогой гардероб. А вот строгий и скромный – запросто.

И тут меня как молнией шандарахнуло. Замерев, я вдруг задумалась: «Чтобы поддеть меня таким образом, Николай Александрович должен был знать о моем существовании до проекта.». Как? Если босс искренне удивился, стоило Ольге произнести мое имя.

Я уже открыла рот, чтобы спросить, как Николай Александрович вышел из автомобиля, а Федор, в свою очередь,

подал руку мне. Стоя в окружении малознакомых людей, обсуждать личное было неприлично. Хотя безумно интересно!

«Он каким-то образом узнал твои трусики среди всех!», – гадала я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.